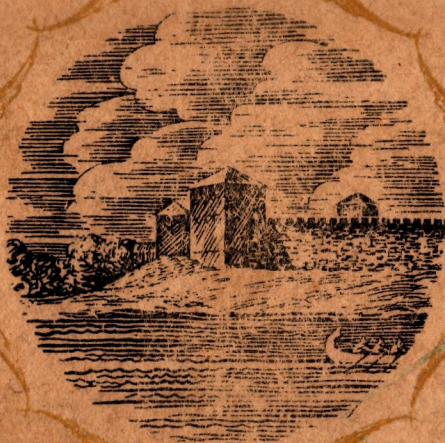

5836

БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

В.Н.
И БЕРНАДСКИЙ

ГОСПОДИН
ВЕЛИКИЙ
НОВГОРОД

УЧПЕДГИЗ · МОСКВА · ЛЕНИНГРАД · 1936

9/С7
549.

БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

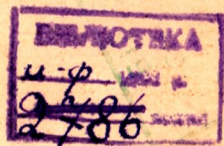
В.Н.
БЕРНАДСКИЙ

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Очерки по истории Новгорода

Утверждено
Наркомпросом
РСФСР

5836

5 ДЕК 1941

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

У стен Новгорода (вместо вступления)	3
I. Времена Ярослава	6
II. Борьба за независимость Новгорода	14
III. Волости новгородские	28
IV. Новгородская торговля	38
V. Город Новгород и его население в XIII—XIV вв.	49
VI. Вечевая республика в XIII—XIV вв.	58
VII. Подлинные хозяева Великого Новгорода	70
VIII. Падение новгородской мощи	85
Конец Новгорода (эпизод)	95

Ответственный редактор *П. И. Пронин*.
Корректор *А. И. Чекурина*.

Технический редактор *Р. А. Пок*.
Обложка художника *П. Н. Григорьевского*.

Книга сдана в набор 8/IX 1936 г. Подписана к печати 4/XI 1936 г. У-22. Учпедгиз № 8511. Ленгорлит № 24062. Тираж 20 000. Заказ № 937. Формат бумаги 82×110 см. Печ. листов 6¹/₄. Бум. листов 1⁹/₁₆. Авт. листов 4,33. (131328 тип. зн. в 1 бум. листе). Бумага Вишерской ф-ки. Цена 65 к. Переплет 25 к.

2-я тип. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

У СТЕН НОВГОРОДА

(Вместо вступления)

Низко нависшее серое небо. Порывистый ветер, насыщенный влагой с Ильменя. Кругом «смиренно плоские поля». Между ними несет свои мутные воды Волхов. Мы у стен Новгорода.

По обе стороны Волхова раскинулся город, один из древнейших городов Восточной Европы. Как-то странно звучит для него имя «Новгород». Какой же это Новый город, когда стенам Софийского собора почти 900 лет, а само время возникновения города теряется в туманной дали времен? Памятники XII, XIII и XIV вв. нередко встречаются в этом городе-музее.

Своею стариной, своими величавыми памятниками искусства, простого, но совершенного, Новгород влечет к себе внимание туриста, археолога, историка искусства.

Но еще больше, чем созданиями своего искусства, Новгород волнует своею необычной историей. Возле этих стен, на улицах и площадях Новгорода когда-то бурлила шумная жизнь, грубая, но яркая.

✓ Бурная и своеобразная история Новгорода давно привлекала к себе внимание и историка, и поэта. Особенно вырос интерес к прошлому Новгорода в начале XIX в., в те годы, когда начиналось первое крупное движение против самовластия российских деспотов. Вольнолюбивая молодежь пушкинских вре-

мен видела в Новгороде колыбель русской свободы. Нет, кажется, ни одного стихотворения 20-х и 30-х гг. о Новгороде, где бы с образом Новгорода не была связана мысль о свободе.

«Ты видел Новгород; ты слышал глас народа;
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода?» —

так начинал Пушкин отрывок из трагедии «Вадим».

«Ты ль предо мной, о древний град
Свободы, славы и торговли», —

воскликнул один из талантливейших современников Пушкина — Веневитинов.

Вызовом николаевскому режиму звучали восторженные похвалы Веневитинова новгородской вольности:

Ответствуй, город величавый,
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или кровавой сече
Сзывал послушных сыновей? ✓

Даже само место, где висел вечевой колокол, для Веневитинова свято. «Здесь воздух чище и вольней». А через несколько лет после Веневитинова юный Лермонтов в стихотворении «Новгород» писал к восставшим «сынам славян», указывая им на пример Новгорода.

Есть бедный град, там видели пароды,
Все то, к чему теперь ваш дух летит.

Так дружно славил вольный воздух Новгорода русские поэты 20-х и 30-х гг., задыхавшиеся в духоте аракчеевщины и николаевской казармы.

С поэтами 20—30-х гг. перекликаются демократические историки 60-х гг., превозносившие в своих работах вольность и мощь «севернорусских народовправств».

Новгород привлек к себе внимание великого Маркса. Очень далекий от какой-либо идеализации прошлого, Маркс подчер-

кивал своеобразие новгородской истории и противопоставлял новгородскую республику самодержавной Москве, выросшей «в кровавом болоте монгольского рабства».

Иван III вырвал, по словам Маркса, у монголов цепи для того, чтобы сковать ими русские республики. Московское самодержавие возникло на развалинах новгородской вольности.

Понятен поэтому и наш интерес к истории Новгорода. Она — одна из самых важных и ярких глав в истории далекого прошлого нашей страны.

Что же могут рассказать нам об этом городе его старинные здания — прекрасные памятники новгородского искусства и полные жизни и борьбы листы новгородских летописей?

І. ВРЕМЕНА ЯРОСЛАВА

Были вещи Трояни, минули дни Ярослава.

(Слово о Полку Игореве.)

По сей грамоте ходите; якоже списал вам, такоже держите.

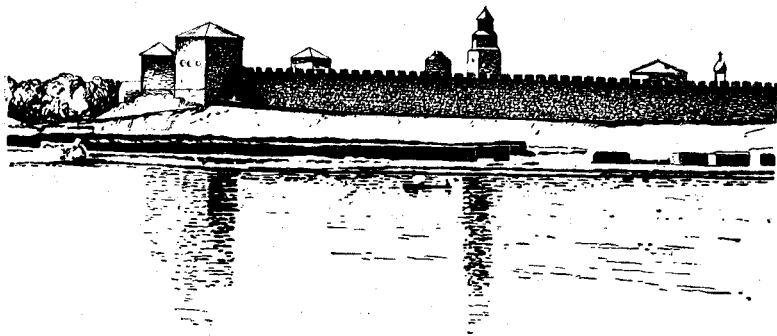
(Из новгородской летописи.)

Шел 1015 г. В Новгороде было несбычайное оживление. Хромой Ярослав, новгородский князь, готовился к борьбе со своим старым отцом, киевским князем Владимиром. Уже в конце X в. Новгород вошел в состав Киевской державы. Киевский князь присылал сюда своих наместников, сначала боярина Добрыню, а потом своего сына Ярослава. Новгородцы должны были платить киевскому князю большую дань (по летописи 2000 гривен в год).

Но Ярослав прекратил платеж дани. Разгневанный Владимир решил наказать непокорного сына и стал готовиться к походу на Новгород. Тогда Ярослав обратился за помощью к варягам за море. Большой отряд северных воителей собрался в Новгороде. Варяги приехали издалека: на своих судах «драконах» пробрались они по Варяжскому морю, Неве, озеру Нево (Ладожскому озеру), Волхову, мимо старой Ладоги, где была древнейшая стоянка варягов в Восточной Европе, к Новому городу, раскинувшемуся на берегах Волхова. Буйная орда варягов в ожидании похода начала бесчинствовать и насильничать в Новгороде.

Жители Новгорода тщетно искали управы на варягов у князя. Князь во всем потакал варягам. Тогда новгородцы решили действовать сами. Заманив отряд варягов на двор одного из новго-

родцев, они ночью перебили насильников. Когда Ярослав, который в то время был за городом в своем селе, узнал об избииении варягов, он разгневался на новгородцев и решил их наказать. Он пригласил к себе главных участников выступления против варягов («вои славны тысящу») якобы для мирных переговоров. Те, обманутые мирными речами князя, явились к нему, а Ярослав тут же приказал зарубить их. Часть новгородцев, напуганная расправой князя, бежала из Новгорода.

Новгородский детинец.

В ночь после этой кровавой расправы к Ярославу пришли важные вести из Киева. Его сестра сообщала ему, что Владимир умер, а престол киевский захватил сын Владимира Святополк, перебивший своих братьев. Киевские новости решительно изменили планы Ярослава. Вместо того, чтобы ждать в Новгороде прихода Святополка, Ярослав решил сам двинуться с собранными им силами на юг, чтобы отнять у брата богатый Киев. Для похода на юг князю нужны были и варяги, и новгородцы. Пожалел Ярослав о своей расправе с новгородцами и решил с ними мириться. На следующее же утро он созвал новгородцев на поле за городом на вече и просил у новгородцев прощения. «О любимая моя дружина», — так передает летописец слова Ярослава, — «которую вчера в безумии моем порубил! Не выкупить мне ее теперь золотом». Ярослав звал новгородцев в поход на Святополка. Новгородцы, которые тя-

готились зависимостью от Киева, охотно согласились поддержать Ярослава. С 1000 варягов и 3000 новгородцев Ярослав двинулся на Святополка. Когда войска встретились на берегу Днепра, воевода Святополка поддразнивал новгородцев: «Что, пришли со своим хромоногим?» — говорил он. «Плотники вы, вот заставим вас ставить нам хоромы». Но победа осталась за «плотниками». Ярослав занял с помощью новгородцев Киев.

Правда, просидел он там недолго. Изгнанный оттуда Святополком, которому помог польский король, Ярослав в 1018 г. вернулся в Новгород, где опять нашел поддержку со стороны новгородцев и призванных из-за моря варягов. И в дальнейшей борьбе Ярослава за Киев, продолжавшейся почти 10 лет, Новгород оставался главной опорой Ярослава. Отсюда в 1024 г., собираясь в поход на брата Мстислава, он ходил за море к варягам за помощью. С отрядом варягов пришел на этот раз конунг Гакон (Якун).

Когда войска Ярослава и Гакона потерпели поражение, Ярослав снова вернулся в Новгород. Даже завладев Киевом, Ярослав первые годы оставался в Новгороде, а в Киев посылал своих наместников. Только в 1036 г. он окончательно переехал в Киев, поставив князем в Новгороде своего сына Владимира.

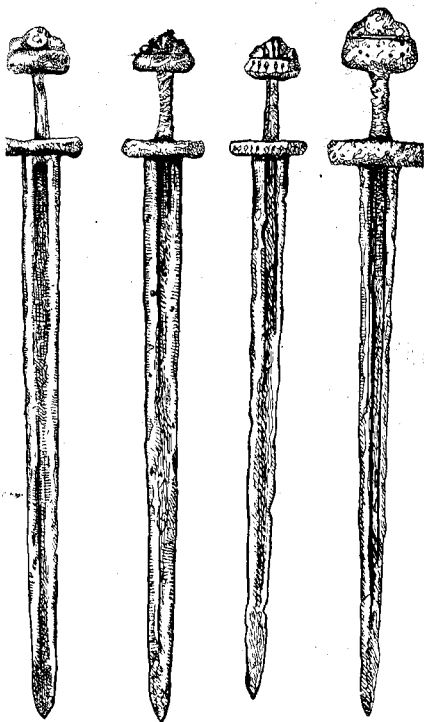
Годы борьбы Ярослава за Киев — очень важное время в истории Новгорода. Недаром новгородцы хорошо запомнили события этих бурных лет. В сущности говоря, кровавые столкновения 1015 г. и войны Ярослава — первые события, которые точно и полно освещены в новгородских летописях.

После победы над Святополком Ярослав, по рассказу летописца, награждал новгородцев за помощь. Он не только раздал им деньги — старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, он дал им грамоту, сказав: «По сей грамоте ходите; якоже списах вам, такоже держите». Этой грамотой была, вероятно, знаменитая «Правда Русская», точнее, начальная ее часть. «Русская Правда» — очень важный для историка документ. Она дает нам возможность яснее представить пестрое и беспокойное население Новгорода начала XI в. Вот перед нами

высший слой городского населения — буйные, драчливые воины, которые не расстаются с мечом. Они при всяком случае готовы пустить его в ход. Не случайно «Правда» включает такие статьи: «Аще утнеть мечом, а не вынемь его, либо рукояткою, то 12 гривен¹ за обиду», т. е. «Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью, то 12 гривен за обиду» и «Аще кто вынемь мечь, а не тнет, то гривну положить»².

Очень подробно «Правда» останавливается на случаях нанесения увечий и оскорблений. «Если палец кто отрубит все равно какой, то 3 гривны». «А за ус 12 гривен, а за бороду 12 гривен».

Может быть еще более живую картину буйных прав новгородских «воев» рисует следующая статья «Правды». «Аще ли кто кого ударит батогом (палкой), или жердью, или пястью, или чашей, или рогом или тылеснию (тупой стороной мяча), то 12 гривен». Очевидно, и чаша и рог использовались на пирах не только по прямому их назначению. Среди этого военного слоя можно отчетливо различить две группы: пришлых варягов и местную новгородскую знать, т. е. «вои славы тысячи», которые в 1015 г.

Мечи X в.

¹ Гривна кун — основная единица старинной денежной системы, примерно 200 — 100 граммов серебра.

² «Если кто обнажит меч, а не ударит им, то положит за это гривну».

столкнулись с варягами. «Правда» Ярослава уравнивала в правах обе эти группы. Первая статья «Правды» устанавливала одинаковый штраф и за варяга, и за славянина.

В чем состояло богатство этой верхушки? Конь, оружие и одежда вот чем гордится варяг и знатный славянин. Но есть один, еще более важный вид имущества, о котором «Правда» обнаруживает особую заботу, — это рабы. «Если челядин (холоп) скроется у варяга...» — так начинается одна из статей «Правды». А само положение холопа достаточно ясно рисует следующая статья «Правды». «Если холоп ударит свободного человека и бежит в хоромы, то холопа взять, — пусть платит господин за него 12 гривен». Стало быть, за холопа отвечает его господин, так же, как хозяин ответил бы за потраву, сделанную скотиной. Холоп — это вещь.

Мы не можем сказать определенно о новгородской знати X—XI вв., владела ли она большими участками земли, были ли у нее зависимые крестьяне. Но мы достоверно знаем, что эти военные люди были рабовладельцами. Рабами владела и церковь. По рассказу летописца, на новгородского епископа Луку наклеветал его холоп Дудика. В чем заключалась эта клевета, летопись умалчивает. Мы узнаем только, что через 3 года Луке удалось, оправдавшись от обвинений, вернуть епископство, а Дудика был сурово наказан: ему изуродовали нос, рот и обе руки (потом он убежал к немцам). А о следующем епископе, Стефане, сохранилось еще более интересное известие: во время его путешествия в Киев его удавили его собственные холопы («Иде Стефан Киеву и тамо свои холопы удавиша и»).¹

Кроме военной верхушки, духовенства и холопов, летопись называет и еще один слой населения — смердов. Это, очевидно, основное население деревни. Пока оно еще свободно и даже принимает участие в военных предприятиях новгородских князей. Недаром после похода на Киев Ярослав раздает денежную награду и смердам.

¹ «Пошел Стефан в Киев, и там удавили его собственные холопы».

Новгородские верхи уже во времена Ярослава владели большими богатствами. В накоплении этих богатств большую роль играли грабительские походы новгородских дружин. Новгородцы принимали участие в XI в. даже в походах на Византию, например, в знаменитом последнем походе, которым руководил Владимир Ярославич (в 1043 г.).

Но гораздо важнее походов на Византию были военные предприятия в соседних с Новгородом землях. Летопись рассказывает о войнах с Литвою и с полоцкими князьями. Особенно большое место занимали походы на финские племена. Ярослав ходил на Чудь (Чудью новгородцы называли финские племена), а через два года (в 1032 г.) ходил на Чудь из Новгорода некий Улеб.

Летописец добавляет к этому сообщению: «и опять мало их приде (пришло)». Стало быть, это был не первый поход и притом не первая неудача.

И после смерти Ярослава продолжают новгородские походы на Чудь. Нередко новгородцы встречают сильный отпор от Чуди. В 1060 г. посадник (наместник князя) Остромир ходил походом на Чудь «и убиша ѿ (его) Чюдь и много паде (пало) новгородцев с ним». Но новгородцев не остановили эти неудачи. Они не прекращали набегов на Чудь.

Уже во времена Ярослава Новгород стал крупным и богатым городом. Он был окружен стеной, частью деревянной, частью каменной. Особенно заботился об укреплении Новгорода сын Ярослава, Владимир, который правил Новгородом с 1036 г.

Памятником могущества и богатства Новгорода XI в. является каменный храм Софии, построенный Владимиром вместо сгоревшего старого деревянного храма. Большое здание с 6 куполами, с массивными каменными гладкими белыми стенами, прорезанными узкими окнами, оно поражает и сейчас своей суровой, величавой простотой. А для новгородца XI в. Софийский собор был величественным зданием, высоко поднимавшимся над низкими деревянными жилищами новгородцев. Своим величием он должен был внушать мысль о могуществе христианского бога, его великих слуг на земле — новгородского

князя и епископа. С этой мыслью входил новгородец внутрь Софии. А здесь в полумраке храма смотрели на него со стен изображения грозного бога, ангелов, святителей и императоров, покровителей церкви.

И собор, и росписи были делом византийских мастеров. Византийская религия и византийское церковное искусство были

Софийский собор.

использованы новгородскими князьями для того, чтобы возвеличить себя в глазах подданных. Из руководителей грабительских военных отрядов они превращались в богом поставленных владык, за неповиновение которым грозит не только наказание на земле, но и кара на небе. В Софийском соборе первые князья устроили для себя усыпальницы. Здесь похоронили и жену Ярослава, Ингигерду (дочь шведского конунга), и князя Владимира, строителя собора.

Епископ новгородский и софийское духовенство уже в XI в. заняли видное место в Новгороде. София стала центром на-

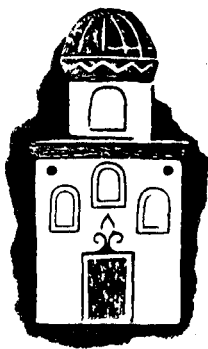
рождающейся новгородской письменности. Древнейший сохранившийся до наших дней памятник русской письменности, Остромирово евангелие, было написано по приказу новгородского посадника Остромира (того самого, который был убит во время похода на Чудь) для Софийского собора.

С Софийским собором связано и начало новгородского летописания. Новгородский летописный свод был составлен около 1050 г. по распоряжению епископа и князя Владимира в ознаменование постройки каменной Софии.

В этом летописном своде нашли отражение успехи новгородской политики в XI в. Новгород ~~здесь~~ изображен как первоначальный центр русского государства. Здесь сидел, по рассказу летописи, первый варяжский князь Рюрик, от которого происходят все русские князья. Отсюда Олег спустился к Киеву и захватил его (как это сделал в XI в. и Ярослав).

Но возвеличивая новгородских князей, летописец в то же время отражает настроения новгородской знати. Излагая историю столкновений Ярослава с новгородцами, «он явно становится на сторону новгородцев». Идеалом летописца является князь, который «владеет и рядит по праву». Новгородская знать гордится теми правами, которые она получила от Ярослава.

Так уже в XI в. Новгород перед нами встает как крупный центр с могущественными князьями и сильной местной знатью. В XII в. еще более окрепшая новгородская знать взяла управление Новгородом целиком в свои руки.

II. БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ НОВГОРОДА

*Аще ли 2 главы имеет сын твой, то
пошли и... (Если у твоего сына 2 головы,
пошлай его.)*

(Ответ новгородцев Киев-
скому князю Святополку I.)

Если подняться на высокую Евфимиевскую часозвоню, башню, поставленную в XV в. возле Софийского собора, то легко окинуть взглядом лежащий под ногами город и его окрестности. Широкая низменная равнина окружает Новгород. Она прорезана притоками и протоками Волхова. Над гладью полей и болот поднимаются многочисленные монастыри. Они как кольцом окружают Новгород. Большая часть этих монастырей основана еще в XI и XII вв. Каждый из них был крупным земельным собственником: и пашни, и луга, и леса, и рыбные ловли по берегам Волхова принадлежали этим монастырям. Рост крупной монастырской собственности шел весьма быстро уже в XI и XII вв.

О росте монастырской собственности говорят различные грамоты: «жалованные», «вкладные», «купчие». Самые древние из них относятся к XII в. В грамотах подробно перечисляются различные хозяйственные угодья: «се вдале Варлааме святому Спасу землю и огород и ловища рыбные и гоголиные¹ и пожни». ² Заботливо и подробно указываются в грамотах и границы земли: «От Волхова Великого ручьем вверх до кресту,

¹ Птица из породы уток.

² Из вкладной грамоты монастырю Варлаама Хутынского.

а от креста до коровей прогон, а коровим прогоном на ольху, а от ольхи на еловый куст» — так обозначает границу земель Антониева монастыря одна из грамот XII в.¹

Меньше письменных следов оставил по себе процесс роста боярской земельной собственности. Но и боярское землевладение бурно росло в XI и XII вв. в новгородской земле, так же, как оно росло и в Киевском княжестве, и на Волыни, и на Верхней Волге. Боярин и монастырь захватывали крестьянскую землю и начинали кабалить смерда.

Но у новгородского боярства был другой источник обогащения, кроме эксплуатации своих смердов, — ограбление населения соседних земель. Уже в XI в. новгородцы делали набеги на «Чудь» и на Запад и на Восток. В XII в. эти набеги продолжались и приняли еще более широкий размах. Ходят на Чудь, на Емь, за Волок. «Ходили молодцы с Вышатою на Емь, — пишет летопись в 1186 г., — вернулись опять невредимыми, добыв полона». Заглядывали смельчаки даже в далекую Югру, на северный Урал.

Евфимиевская часовня.
(Начало XV в.)

Об этих далеких краях новгородцы передавали различные легенды. Вот одна из них, записанная летописцем со слов богатого новгородца Гюряты, отроки (воины) которого бывали на Печере и Югре. «Есть там горы, высота их словно

¹ Может быть она несколько подновлена, но и другие грамоты XII в. так же старательно отмечают земельные границы.

до небес. И в тех горах стоит громкий клич и говор, гору прорубают. В той горе высечено оконце маленькое, и оттуда говорят, но нельзя понять их языка, и показывают железо и малят рукой, прося железа. И если кто даст им железо, нож или топор, они взамен дают звериные шкуры». В легендарной форме здесь описана немая торговля новгородцев с Югрой. Носила она характер меновой. Новгородцы в обмен на железные изделия получали от Югры меха.

Меха и были той ценнейшей добычей, за которой новгородцы отправлялись в далекие края. О богатстве пушниной

Чудь платит дань Новгороду (из летописи).

Севера новгородцы рассказывали сказки, переданные летописцем. «Старики, ходившие за Югру и Самоядь, рассказывали, что видели сами в северных странах, как спустилась туча и из той тучи падают маленькие белки, как только что рожденные, и, выросши, расходятся по земле. И бывает еще другая туча, и падают из нее маленькие олени и вырастают, и тоже расходятся по земле». Но если в XI и в начале XII в. новгородцы только начинают проторивать дорожки в Югру, и сведения о ней носят характер полуполегендарный, то к концу XII в. в Югру снаряжаются уже большие экспедиции. Не всегда они кончались благополучно. Так было с экспедицией 1193 г., о которой летопись сохранила подробный

5836
рассказ. Новгородцы с воеводой Ядреем (Андреем) пошли на Югру, взяли ее городок. Но Югра заперлась в другом городке, и новгородцы 5 недель не могли взять его. Наконец, Югра вступила в переговоры с осаждавшими новгородцами. Югорские посланцы убеждали новгородцев пойти на мир: «Копим серебро и соболи и ина узорочья, — говорили они, — а не губите своих смерд и своей дани». Новгородцы согласились вступить в переговоры, но на этот раз им не удалось получить ни соболей, ни серебра от Югры. Югра, заманив для переговоров новгородских начальников, перебила их, а затем, напав на изнемогающую от голода новгородскую рать, порубила ее почти всю целиком. Только 80 человек осталось в живых. Но это была только частичная неудача, она не меняла в целом успешного хода захватнической политики новгородцев. Огромные богатства притекали в Новгород из захваченных земель и попадали в руки новгородской знати. Менее успешны были заморские поездки новгородцев. На ладьях своих новгородцы пробирались далеко на Запад. Летописная запись 1130 г. говорит о благополучном возвращении новгородцев из Дании. Но через 4 года «новгородцев порубили за морем в Дании», и с тех пор летопись молчит о таких далеких поездках за море.

Усиливавшееся новгородское боярство стремилось обособиться от Киевского государства. Этот процесс происходил и в других княжествах по мере того, как там упрочивались феодальные отношения. Укрепление феодализма приводит везде к торжеству принципа феодальной раздробленности.

Своеобразие Новгорода заключалось в том, что после обособления от Киева он стал феодальной республикой. Образование этой республики было результатом острейших классовых боев XII—XIII вв. В этих классовых боях приняли самое деятельное участие низы новгородского населения (особенно городские ремесленники и мелкое купечество).

Уже во второй половине XI в. в Новгороде вспыхнуло большое восстание против князя Глеба. В этом движении вылилось недовольство низов населения новыми владыками.

Так как церковь выступала в Новгороде как могущественный землевладелец, ревностный союзник светских господ, то, естественно, что восставшие обратились и против христианской церкви. Так же, как в восстаниях смердов XI в., в Суздале и на Шексне, вождем движения в Новгороде был волхв.

Восставшие хотели убить епископа Федора. Чуть не весь город перешел на сторону волхва. Вот что произошло на площади. Новгородский епископ предложил новгородцам разделиться на две стороны: кто стоит за христианскую веру, пусть перейдет на сторону епископа, кто верит волхву, пусть остается у него. И на стороне епископа оказался только князь и дружина, «а людье вси идоша (пошли) за волхва». Спрятав под плащом топор, князь подошел к волхву, как будто для переговоров, а потом внезапно ударом топора убил вождя восставших. Лишившись вождя, восставшие растерялись и их быстро разогнали.

Князь как будто победил. Но победа его не была прочной. Во всяком случае, через несколько лет в летописи помещена следующая запись: «Выгнаша (выгнали) из города князя Глеба и бежа за Волхов и убиша (убили) его месяца мая в 30».

Изгнание Глеба было первым примером расправы новгородцев с негодным им князем. В начале XII в. новгородцы дают решительный отпор попыткам киевских князей навязать Новгороду князя против их воли. Когда киевский князь Святополк II пожелал по обычаю послать в Новгород князем своего сына, он получил от новгородцев решительный ответ: «Если у сына твоего две головы, то посылай его». Так новгородцы начинают сами распоряжаться судьбами новгородского престола.

Правда, во времена Владимира Мономаха и его сына Мстислава связь между Новгородом и Киевом вновь усилилась. Мстислав Владимирович, долго сидевший на Новгородском престоле, умелой политикой упрочил власть киевского князя в Новгороде. Он умел ладить с новгородским боярством, старался всячески с ним сблизиться, даже женился на дочке новгородского боярина.

В интересах повгородских бояр он предпринял несколько удачных походов на Чудь.

Но уже при его сыне Всеволоде дела приняли совершенно иной оборот. Всеволод всячески помогал росту крупной собственности. Он жаловал земли вокруг Новгорода монастырям. Около Всеволода сплотилась часть новгородских бояр, которые хотели усилить нажим на повгородских смердов и нуждались для этого в содействии крепкой княжеской власти. Зато низы Новгорода были крайне недовольны князем Всеволодом. Положение закабаляемых низов ухудшилось еще в результате жестокого голода в 1127 и 1128 гг. Осенью мороз побил озимь. Рожь поднялась в цене. Люди сли липовый лист, березовую кору, мох. Трупы валялись по улицам и по торгу. Родители даром отдавали детей своих в рабство приезжим гостям. Недовольство Всеволодом усилилось еще из-за его неудачной внешней политики. Всеволод потерпел большое поражение в борьбе с суздальскими князьями. Эти неудачи толкнули в лагерь противников Всеволода часть новгородских бояр, тех, кто были особенно заинтересованы в новых захватах.

Во главе недовольных бояр стоял сын Гюряты (того самого, кто рассказывал летописцу о торговле с Югрой) Мирослав и сын последнего Якун.

Борьба в Новгороде в 30-х гг. обострилась до крайней степени. Наконец, в 1132 г. «бысть восстань велика в людях». Новгородцы выгнали Всеволода из города. Сторонники Всеволода добились было его возвращения. Но продержался он в Новгороде только 4 года. В 1136 г. произошло новое восстание. Восставшие схватили князя и посадили его вместе с женой, тещей и детьми под стражу на епископский двор. «День и ночь, — рассказывает летописец, — 30 вооруженных мужей сторожили (князя)». Продержали князя под арестом два месяца. Потом его предали суду веча, обвиняя в том, что он не заботится о смердах, и в том, что во время войны с суздальцами он убежал первый с поля битвы. Винили князя и в том, что он хотел перебраться из Новгорода на юг, в

Переяславль. Всеволода изгнали из Новгорода, а князем пригласили Святослава Черниговского из враждебной Мономаховичам ветви Ольговичей (потомков Олега Святославовича).

Сторонники Всеволода, однако, продолжали борьбу. Они даже произвели покушение на Святослава, стреляли в него из лука, но князь остался жив. Часть сторонников Всеволода бежала в Псков, где Всеволод и утвердился. Среди них был и посадник Константин. Эмигранты подговаривали Всеволода вернуться в Новгород.

В Новгороде противники Всеволода поставили посадником Якуна Мирославича, захватили имущество эмигрантов и выжили с «приятелей» Всеволода 1500 гривен. Конфискованные средства были розданы новгородским купцам для подготовки к войне с Всеволодом. Нападение Всеволода было отбито, и он вскоре умер (в Пскове).

Бурные события 1136 г. имели огромное значение для дальнейшей истории Новгорода. Начиная с этого времени, новгородская городская община постепенно захватывает всю власть в городе. В течение 50 лет после 1136 г. 28 раз менялись князья на новгородском престоле. Некоторые из них сидели в Новгороде всего по несколько дней. Приглашенного в 1136 г. Святослава менее чем через 2 года новгородцы «выгнаша». Следующий за ним князь просидел 1 год и 4 месяца и сам бежал. Вновь пригласили Святослава, но просидел он только 2 месяца. Испугавшись растущего недовольства новгородцев, он поторопился сам бежать тайком ночью. С ним вместе бежал его верный Якун. Новгородцы на дороге схватили Якуна и привезли его в Новгород вместе с его братом. Здесь его избили чуть не до смерти, потом нагого («яко мати родила»¹) бросили с моста в Волхов. Он как-то выплыл. Тогда новгородцы пощадили его, но взяли с него 1000 гривен, с брата 100. Самого Якуна отправили в оковах в Чудь. Позднее Якун был возвращен в Новгород и был несколько раз посадником.

¹ «Как мать родила».

Такими столкновениями полна история Новгорода второй половины XII в.: то князя изгоняют, то он сам убегает тайком ночью, то его сажают в тюрьму или монастырь.

Временами новгородцы оставались по нескольку месяцев без князя. За эти десятилетия у князей были вырваны почти все средства управления. Городские власти захватили в свои руки детинец — новгородскую крепость. Князю и его дру-

Собор Юрьева монастыря (1119 г.).

жине не разрешали жить в Новгороде. Он с XII в. жил за городом, в Городище, против Юрьева монастыря. Софийский собор из княжеской святыни стал покровителем городской общины и хранителем городской казны. Войско, суд, тюрьма — все оказалось теперь в распоряжении новгородских властей. Можно поэтому считать, что с 1136 г. Новгород стал республиканской городской общиной.

Однако новгородской республике еще предстояло доказать свою жизнеспособность в тяжелых боях. Весь конец XII и начало XIII в. заполнены борьбой новгородцев против посягательств на их независимость со стороны русских князей. Особенно упорную борьбу пришлось вести с владимирскими

князьями. Усилившееся при Юрии и Андрее Боголюбском Владимиро-Суздальское княжество, владения которого непосредственно примыкали к новгородским, вело в XII в. широкую объединительную политику. Андрей управлял через своих подручных князей на юге. Его войска в 1169 г. взяли и разграбили Киев. Он пытался подчинить себе и Новгород. Столкновение между Андреем и новгородцами началось из-за Двинских земель. Новгородцы послали на Двину большой отряд с Даниилом Лазутиничем. Войска Андрея потерпели поражение. Новгородский летописец сообщает, что суздальцев в битве пало 1300 человек, а новгородцев только 15 человек. Эти цифры, по меньшей мере, сомнительны. Но победа новгородцев была бесспорна. Они не только взяли дань с Двинской земли, но ограбили и соседние Суздальские земли. Андрей тогда решил наказать новгородцев, отправив войско к стенам Новгорода. Но и здесь новгородцы сумели дать отпор. Суздальцы под стенами Новгорода потерпели поражение. Победителям новгородцам досталось столько пленников, что суздальцев покупали по 2 ногаты.¹

Позднее о поражении суздальцев сложился ряд легенд, объяснявших победу новгородцев чудесной помощью божьей матери.

Однако наступление суздальских князей на этом не прекратилось. Оно облегчалось тем обстоятельством, что в самом Новгороде возникла большая «суздальская» партия. К ней примыкала та часть новгородского боярства, которая хотела перенести в Новгород «суздальские» методы усиленной эксплуатации смердов.

Во главе этой партии стала влиятельная семья боярина Мирошки Нездича. (Его отец был убит новгородцами в 1168 г. во время борьбы с Андреем.) Мирошка и его дети Дмитрий и Борис были наследственными руководителями суздальской партии. Суздальская партия готова была признать князя Всеволода, по прозвищу «Большое Гнездо»,

¹ Ногата — мелкая денежная единица. В гривне кун было 20 ногат.

Новгородский князь Ярослав Владимирович. (С фрески конца XII в.)

владельцем Новгорода. Отправленные ею к Всеволоду послы говорили ему: «Ты, господин, великий князь Всеволод Юрьевич. Просим у тебя сына княжить Новгороду, зане (потому что) тебе отчина и дедина Новгород». Однако сыновья Всеволода недолго просидели в Новгороде. Вначале суздальская партия забрала власть полностью в свои руки. Посадником стал Дмитр Мирошкинич. Начались расправы с политическими противниками. Одного из них, Олексу Сбы-

Церковь Спаса Нередицы (1198 г.).

славича, убили без суда на Ярославовом дворе. Усились поборы со смердов. Дмитр обложил их различными повинностями (с них «брали гуны» и заставляли «повозье возить»). Огромные средства, которые попали в руки Мирошкиничей, они использовали для ростовщических операций.

Но насилия Мирошкиничей и их друзей вызвали отпор со стороны новгородцев.

В 1209 г. произошло большое восстание против Дмитра (самого Дмитра не было в Новгороде). Восставшие сожгли

дом Мирошки и Дмитра. Все имущество их было конфисковано. Села и рабы были распроданы. Вырученные средства поделены между новгородцами.

Об огромных размерах имущества Дмитра можно судить по тому, что на каждого новгородца пришлось по три гривны. Кое-кто сумел, по рассказу летописца, захватить тайком и побольше.

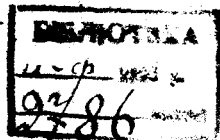
Раздражение новгородцев против Дмитра было очень сильно. Когда привезли из Владимира в Новгород труп Дмитра, убитого в походе, новгородцы хотели бросить труп с моста. С трудом епископу удалось удержать новгородцев и похоронить Дмитра в Юрьевском монастыре.¹

Детей Дмитра и его единомышленников новгородцы изгнали, а имущество их конфисковали («серебро поймаща бещисла», т. е. серебра захватили без числа).

Суздальский князь решил наказать новгородцев за расправу с Дмитром. Новгородских купцов, бывших в Суздальской земле, схватили, и товары их конфисковали. Суздаль готовился к походу на Новгород, избрав в качестве опорного пункта для наступления Новый Торг (Торжок). Здесь собирались и новгородские эмигранты. На выручку Новгороду явился князь торопецкий Мстислав Удалой (его отец был в XII в. князем в Новгороде и пользовался там большой популярностью).² Он напал на Новый Торг, захватил там суздальских дружинников, заковал тамошнего посадника. Из Торжка он отправил в Новгород послов, предлагая свою помощь: «Кланяюсь святой Софии и гробу отца моего и всем новгородцам, — велел передать Мстислав, — пришел я к вам, услышав о насилии от князей. Жаль мне своей отчины». Новгородцы с удовольствием приняли предложение Мстислава. В правление Мстислава, сделавшего несколько больших походов на Чудь, суздальская партия притихла. Но в 1215 г. после отъезда Мстислава из Новгорода она снова подняла голову. Опять пригласили князя

¹ Там скелет Дмитра был найден в 1932 г.

² Его похоронили в Софийском соборе.

из Суздаля (Ярослава, сына Всеволода Большое гнездо). И сразу же развернулись новые бои. Ярослав схватил врагов суздальской партии и захватил их имущество. Тогда новгородцы разгромили дома нескольких сторонников Ярослава. Неуверенный в своих силах, Ярослав переехал в Торжок и решил сделать его центром Новгородской земли. Новый Торг был расположен на очень выгодном месте. Через него шла вся торговля Новгорода с Волжским краем, со всем югом и востоком. Чтобы смирить непокорных новгородцев, Ярослав

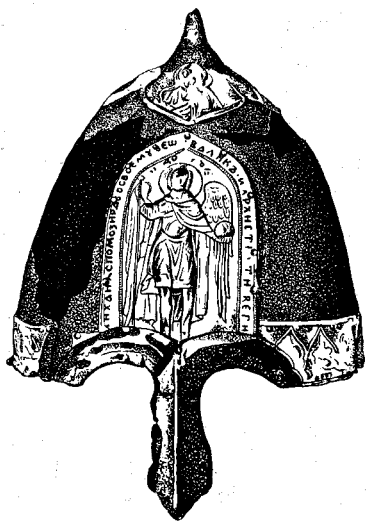
не пропускал ни одного воза с товарами в Новгород. Без южного хлеба Новгород не мог прожить. В городе начался страшный голод. Новгородцы вступили в переговоры с князем, но тот не шел на уступки. Засев в Торжке, он хотел сломить непокорный Новгород. В окопах в Торжке сидело уже много захваченных новгородцев.

В этот трудный час новгородцы обратились за помощью опять к Мстиславу. Летопись с увлечением рассказывает о том, как явившийся по зову новгородцев Мстислав обра-

тился к новгородцам на вече с такой речью: «Пойдем, поищем мужей своих, вашу братию и волость вашу. Пусть не будет Новый Торг Новгородом, а Новгород Торжком! Но где святая София (Софийский собор), тут и Новгород».

Длительная и упорная борьба между Суздалем и Новгородом завершилась жестокой битвой при Липице. Суздальцы были разбиты наголову.

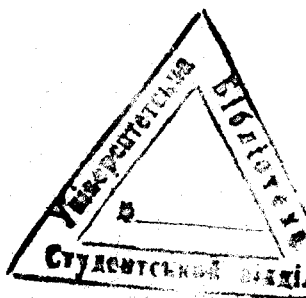
Липицкая победа была победой того нового порядка, который сложился в Новгороде в XII и начале XIII в. В этом отноше-

Шлем Ярослава Всеволодовича
(XIII в.).

нии 1216 г. можно поставить в один ряд с 1136 и 1209 гг. Новгородская республика показала свою устойчивость.

В 1218 г. князь Святослав поссорился с посадником Твердиславом и прислал своего тысяцкого на вече, требуя смещения Твердислава. Новгородцы отказались выполнить желание князя, а Твердислав, по словам летописи, заявил на вече: «А вы, братье, в посадничестве и в князьях вольны». Эти слова Твердислава хорошо подводили итоги напряженной борьбе новгородцев за самостоятельность. К началу XIII в. новгородцы стали действительно «вольны в князьях и посадниках.»

III. ВОЛОСТИ НОВГОРОДСКИЕ

А се, княже, волости новгородские: Волок со всеми волостьми, Торжок, Бежицы, Заволочье, Тре, Перемь, Печера, Югра.

(Из договора Новгорода с князем Ярославом.)

XIII и XIV вв. были временем расцвета Новгородской республики. Огромные земельные владения Новгорода широко раскинулись по всему северу Восточной Европы. Новгородские бояре умело вели политику колониальных захватов и вместе с тем давали решительный отпор другим феодальным грабителям, протягивавшим свои руки к новгородским владениям. На севере и востоке новгородцы преимущественно наступали. На западе в XIII и XIV вв. пришлось обороняться.

В начале XIII в. в Прибалтике сложилось хищное государство немецких рыцарей, мечом и крестом установивших свое господство над землями латышей и эстов. Орден очень быстро столкнулся с владениями Новгорода. Новгородцы ходили походами на Чудь за Чудское озеро. А Мстислав Удалой ходил сквозь землю Чуди до самого моря, взял несколько чудских городков (в том числе Оденпе — Медвежью голову) и заставил Чудь платить дань новгородцам. Однако успехи новгородцев в Чудской земле были непрочны.

Меченосцы уже в 20-х гг. XIII в. начали теснить Чудь. Ни упорное сопротивление эстов, много раз поднимавших восстание против завоевателей, ни поддержка эстов русскими не могли остановить немцев. В 1224 г. рыцарями был взят Юрьев, самая сильная крепость в земле Чуди.

Внутренняя борьба во Пскове и Новгороде облегчала успехи немцев. После взятия Юрьева изгнанные из Новгорода и Пскова бояре неоднократно перебежали к немцам.¹ Эмигранты звали немцев в Новгород и Псков, чтобы при их поддержке вернуть свои богатства и власть. К немцам же готовы были обратиться за помощью и изгнанные князья. Сын псковского князя Я р о с л а в привел немцев к Изборску, а в 1238 г. немцы завладели и самим Псковом, который им удалось захватить при содействии перешедшего на их сторону псковского посадника Т в е р д и л а И в а н о в и ч а (правнука известного Мирошки).

Из Пскова немцы и их псковские союзники начали готовить наступление на Новгород. Зимой немцы двинулись на Водскую область, обложили ее данью и поставили крепость в новгородском погосте К о п о р ь е. Немцы подступили близко к Новгороду: они захватили Лугу, а передовые отряды рыцарей «за 30 верст до Новгорода гоняшеса, гость биоче» (т. е. избивая купцов). Водская область была ограблена немцами. «Поймана по Луге все кони и скот и нельзя бяше орати по селом и нечем»,² пишет летописец.

Немцы считали свои захваты настолько прочными, что грабители светские и духовные занялись дележом добычи. Сохранился очень интересный договор между рыцарями и эзельским епископом, по которому епископ, уступая прочие доходы рыцарям, выговаривал себе десятину с будущих сынов католической церкви («относительно коних, так гласил договор, есть надежда на обращение к вере христианской, понеже земли их захвачены вышереченными братьями,³ соорудившими там некое укрепление»). На этот раз, однако, рыцари делили шкуру неубитого медведя.

Новгородские бояре и беглецы из Пскова (противники Твердила) не хотели отдавать немцам своих владений.

¹ Так к немцам перебежал бывший новгородский тысяцкий Борис.

² «Захватили по Луге всех коней и скот, и нельзя было пахать в селах и нечем».

³ Членами ордена.

Новгородцы пригласили к себе князя Александра Ярославовича, сына великого князя Ярослава. Александр уже раньше был в Новгороде, но за год до этого должен был уехать из Новгорода «роспревся с новгородци». Это был князь властолюбивый, мало считавшийся с новгородскими вольностями, но сейчас он был нужен новгородцам для защиты от немцев,¹ и они готовы были примириться с нелюбимым князем.

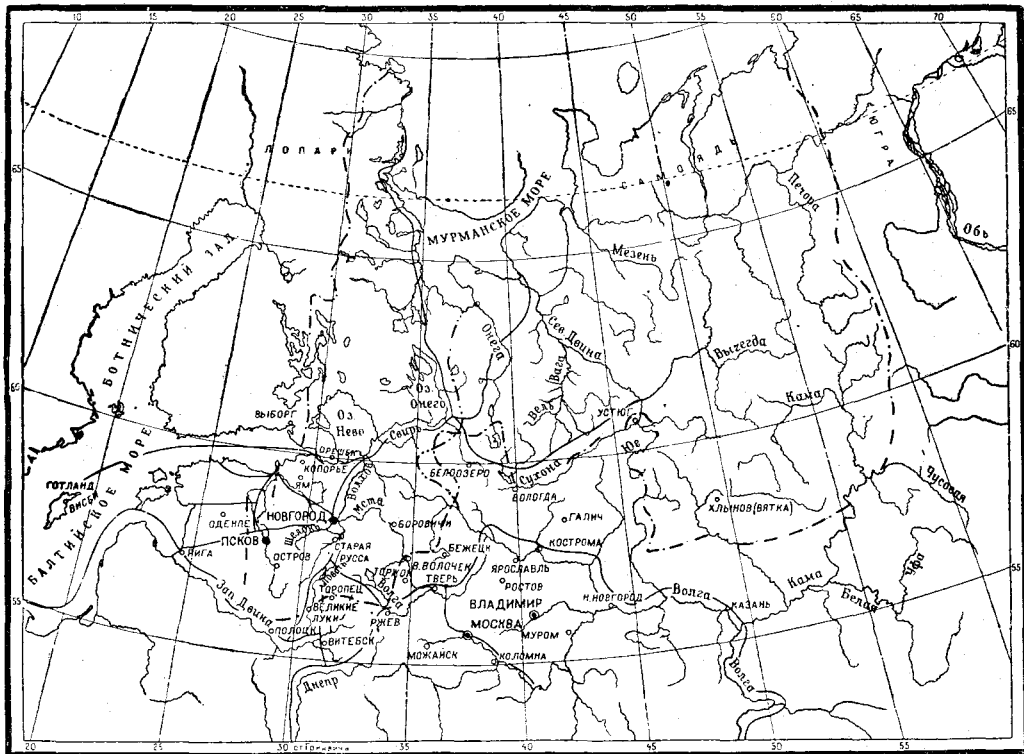
В 1241 г. новгородское войско двинулось к Копорью и взяло его. Жителей Води, которые перешли на сторону немцев, перевешали. Восстановив этими победами и казнями новгородское господство в Водской области, Александр двинулся к Пскову. Псков был взят, немецкие наместники в окопах были отправлены в Новгород.

Немцы выступили с большими силами против Александра. Решительная битва произошла на льду Чудского озера, около Вороньего Камня. Рыцари потерпели тяжелое поражение. Новгородцы преследовали их по льду на протяжении 7 верст. По словам летописи, было убито 400 рыцарей, а «чуди бещисла». 50 рыцарей попали в плен. Ледовое побоище остановило движение рыцарей на восток. Немцы предложили мир, отказываясь от недавних захватов (Пскова и Водской области).

Установленная в 1242 г. граница оказалась более или менее устойчивой вплоть до XV в. (она почти совпадает с современной границей Советского Союза).

Если на западе главными соперниками новгородских бояр оказались немецкие рыцари, то дальше на север новгородцам пришлось столкнуться со шведскими феодалами. Корела и Ямь (юго-восточная Финляндия) стали предметом борьбы между новгородскими и шведскими феодалами. Уже в XIII в. шведы подчинили себе почти всю Финляндию и начали грозить новгородским владениям. В 1240 г. они предприняли неудачный крестовый поход на Новгород. На Неве крестоносцы были

¹ В 1240 г. Александр успешно отразил шведских рыцарей на Неве.

Новгородские владения в XIV в.

разбиты новгородцами под начальством Александра. Но Невская битва не остановила шведского натиска. В конце XIII в. шведские феодалы соорудили ряд крепостей в восточной Финляндии (среди них — Выборг), а в 1299 г. они поставили небольшую крепость на Неве (у устья Охты) — Ландскрону («сенец земли»). Со времени постройки Ландскроны началась упорная борьба между шведами и новгородцами за очень важный для новгородцев торговый путь по Неве. Новгородцы на следующий же год взяли Ландскрону и разрушили ее («а град запалиша и разгребоша»). Чтобы закрепить за собою путь по Неве, на истоках Невы, на Ореховом острове, новгородцы поставили свою крепость, Ореховец¹ (в 1323 г.). Упорная борьба между шведами и новгородцами продолжалась всю первую половину XIV в. От нее особенно страдали карелы. И шведы, и новгородцы требовали от них дани и насильственно обращали в христианство, одни в православие, другие в католицизм. Они были, говоря словами старого историка, «осуждены сделаться мишенью двух враждебных народностей: принимали карелы православие — навлекали гонение от шведов; принимали католичество — подвергались гонению от новгородцев».

Бесчисленные столкновения между шведами и новгородцами привели, наконец, в середине века к большой войне. Сам шведский король Магнус встал во главе крестового похода против новгородцев. Об этом походе, произведшем большое впечатление на новгородцев, летопись сохранила подробный рассказ. Захватническое предприятие шведских феодалов было ими представлено как борьба за католицизм. Перед началом похода король отправил послов в Новгород, предлагая новгородцам организовать диспут о вере. «Пошлите на съезд своих «философов», а я пошлю своих, чтобы переговорили о вере и выяснили, чья вера лучше. Если ваша вера будет лучше, я приму вашу веру. Если наша вера лучше, вы идите в мою веру и будем все заодно. А если вы не пойдете на соедине-

¹ Теперь Шлиссельбург.

ние, то я пойду на вас со всей своей силой». Так передаст летописец предложение Магнуса. Новгородские власти предпочли уклониться от религиозного диспута, направляя Магнуса по делам веры к византийскому патриарху. Они попытались поставить вопрос по-деловому, отправив к Магнусу посольство для выяснения, чем они обидели Магнуса. Но король не обнаружил никакой склонности к соглашению. «Обиды у меня на вас никакой нет», — так сказал король присланным к нему новгородским боярам. «Идите в мою веру! А не пойдете, иду на вас со всей моей силой». На этом переговоры были прерваны. Шведские феодалы перешли от слов к делу. Магнус осадил ненавистный шведам Ореховец. Соседнее население (Ижору и Водь) начали насильственно крестить. Попадавшим в плен русским стригли бороды и перекрещивали в католицизм.

Однако успехи шведов оказались не слишком прочными. Новгородские бояре и на этот раз сумели дать отпор шведам. Передовые шведские отряды были разбиты новгородским боярином Онцифером Лукиничем. Затем к Ладоге были двинуты главные силы новгородцев. Здесь новгородцы задержались, ожидая помощи со стороны великого князя московского (Семена). Но тот медлил; двинулся было к Новгороду, но потом раздумал и повернул назад к Москве, послав вместо себя брата Ивана. Шведы тем временем взяли Ореховец. Иван, приехав в Новгород, узнал о взятии Ореховца и поспешил из Новгорода двинуться назад в Москву. Так новгородцы и не получили из Москвы поддержки. Пришлось справляться со шведами своими силами. Новгородские войска двинулись к Ореховцу и после долгой осады отбили его от шведов. Магнус, потерпевший еще несколько неудач от новгородцев, которые доходили до самого Выборга, пытался продолжать борьбу. Но нелады, которые были у него и раньше со шведскими феодалами как светскими, так и духовными, обострились в результате неудач короля. Духовенство наложило на него интердикт за захват в Швеции церковных имуществ. В конце концов шведские чины низложили неудачного воителя и по-

спешили заключить мир с Новгородом. По этому миру Карелия была разделена между Швецией и Новгородом. Границей в Финляндии стала река Сестра. Нева осталась во владении Новгорода. Многочисленные столкновения со шведами во второй половине XIV и в XV вв. не привели к изменению границ.

Так в борьбе со шведами и ливонскими рыцарями определялась граница Новгорода на западе.

Если на западе новгородским боярам приходилось ограничиваться обороной, то на востоке новгородские феодалы не встречались с такими сильными врагами. Дороги на север и на северо-восток были проложены уже давно. Новгородские отряды доходили уже в XI в. до Югры и грабили ее.

Однако колонизация северо-восточных земель и освоение их начались только в XIII и XIV вв. Прежде всего колонизовано было Обонежье, куда вела легкая дорога по Ладоге и Свири. Прочно колонизованное Обонежье позднее вошло в состав основных новгородских земель, так называемых «пятин».

Но бедное Обонежье, страна гранита и озер, мало привлекало к себе новгородских бояр. Здесь не было удобных для сельского хозяйства земель (только «лоскуты орамой земли»),¹ не было здесь и особенно доходных промыслов, кроме добычи озерной руды. Обонежье осталось крестьянским краем. Население жило в маленьких деревушках в 1—2 двора, занимаясь подсечным земледелием, ловлей рыбы в быстрых северных реках и охотой на белок. Зато дальше на север тянулись земли, сулившие гораздо большие выгоды новгородскому боярину. И крупного зверя там было больше, и разной ценной рыбы, и соляные источники попадались, а на море можно было бить морского зверя (моржей, тюленей, китов). Все побережье Онежской губы было усеяно новгородскими поселениями. По порожистым рекам и озерам новгородские промышленники пробирались и на Терский берег («Тре») и

¹ «Лоскуты пахотной земли».

на Мурман. На устье Колы даже возник городок Кола (недалеко от теперешнего Мурманска).

Еще большие доходы сулила Двинская земля («Заволочье»). Здесь к XIV в. по Двине и ее притокам сидело уже значительное население. Сюда издавна пробирались и новгородские колонисты с Онеги, а наперерез им шел по Волге поток переселенцев с юга из Ростово-Суздальского княжества. Рядом со свободными крестьянскими общинами начали появляться боярские вотчины, теснившие вольных переселенцев. В хозяйстве Двинской земли большое значение имели различные промыслы, особенно добыча соли. По Двине на юг, в Устюг и дальше, в Вологду двинские купцы везли немало товаров, уплачивая там пошлину или белками или солью. (Двинская грамота конца XIV в. устанавливала пошлину с двинских купцов в Устюге с ладьи два «пуза» соли, а с воза две белки.)

Двинская земля до XIV в. была слабо связана с Новгородом. Новгородские отряды приходили сюда за данью, а во внутренние дела Двинской земли мало вмешивались.

С середины XIV в. новгородские бояре попытались крепче прибрать к рукам богатое Заволочье. В 1342 г. один из крупнейших новгородских бояр, Лука Варфоломеевич, на свой страх и риск («не послушав Новгорода») с вооруженным отрядом отправился на Двину. Здесь Лука поставил городок Орлец¹ и завладел всей Двинской землею («взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит»). Однако новгородскому завоевателю не посчастливилось; в одной из схваток с двинянами он был убит. Есть основание считать, что двинянам в борьбе с Лукой помогли его политические противники в Новгороде. По крайней мере, когда в Новгород пришла весть о смерти Луки, черные люди восстали против посадника, обвиняя его в том, что он «заслал на Луку убити».

Поход Луки был попыткой одного из крупнейших новгородских бояр крепко стать ногой на Двине. За ним потяну-

¹ В 30 км от Холмогор.

лись другие, так что во второй половине XIV в. на Двине уже было немало новгородских боярских вотчин. Появились на Двине и постоянные представители новгородской власти — посадники.

Если на Онеге и Двине в XIII—XIV вв. возникали многочисленные новгородские поселения, то земли за Двиною на восток эксплуатировались новгородцами попрежнему, путем военных набегов за данью и отдельных торговых экспедиций. И Пермь, и Печера, и Югра, которые новгородцы считали своими владениями, управлялись местными князьками. Только временами новгородцам удавалось добиться от югорских князей уплаты дани соболиными мехами. Но торговая связь между ними и Новгородом окрепла. В середине XIV в. в Новгороде даже возникла особая организация купцов для торговли с Югрой («югорщина»).

На всем северо-востоке новгородские бояре чувствовали себя полновластными хозяевами.

Такова была та огромная территория, которая к XIV в. попала под власть Новгорода. В ней можно различить три разных круга владений. Центральное ядро составляют старинные владения Новгорода. Вместе с Обонежьем они составили позднее пять новгородских «пятин» (Водская, Шелонская, Деревская, Бежецкая и Обонежская). Основной массой населения этих земель были смерды. Земли их большею частью были захвачены боярами и монастырями. Слой свободных мелких землевладельцев, «своеземцев», был очень тонок. Смерды работали на своих господ и платили оброк продуктами своего хозяйства: хлебом (рожью, овсом), скотом (полтями мяса и бараньими лопатками), курами, сыром, ставцами масла, горстями и пятками льна, а местами и изделиями сельского ремесла.

Дальше шли земли, колонизованные новгородцами, где раскинулись обширные боярские и монастырские вотчины. Это Тре, Поморье и особенно Заволочье.

Наконец, третий круг новгородских земель — это области, с которыми новгородцы вели разбойничью торговлю, населе-

ние которых было повинно данью Новгороду. В этих новгородских землях (Печере, Самойди, Югре) постоянных новгородских поселений почти не было. Здесь знали только новгородского воина и купца. Северо-восточная граница новгородских владений незаметно терялась за Уралом, около нижней Оби. Согласно летописному рассказу от 1364 г. новгородцы «воеваша по Оби реке до моря».

IV. НОВГОРОДСКАЯ ТОРГОВЛЯ

*Не я, видно, купец богат новгородский:
Побогаче меня славный Новгород.*

(Из былины о Садко.)

На самом большом острове туманного Балтийского моря — Готланде — есть гавань Висби. Это небольшой тихий городок с 10 тысячами населения. В его порт редко заглядывают большие торговые суда. Их путь лежит сейчас мимо Готланда. Но Висби хорошо знают историки средневекового искусства. Он является своеобразным музеем северного средневекового искусства XIII—XIV вв. Развалины церквей и старинные каменные дома напоминают о былом расцвете Висби.

В X—XIII вв. Готланд играл большую роль в торговле на Балтийском море. Скалистые гавани Готланда были излюбленным местом для стоянок норманских викингов, которые подстерегали здесь купеческие суда. Позднее, с XII в., когда начала развиваться немецкая торговля, Висби стал важнейшим опорным пунктом для немецких купцов. Сюда собирались купцы из северных немецких городов, организовавшие в Висби вместе с местными «готскими» купцами союз для торговли по Балтике и ее заливам. Из Висби они отправлялись и в близкую Швецию, и в недавно возникшую немецкую Ригу, и на побережье Финского залива — к Ревелю.

В XII в. готские купцы установили постоянные сношения с Новгородом, пробравшись туда дорогой, известной еще варягам. По договору с Новгородом готские купцы получили

Развалины церкви в Висби.

право построить в Новгороде «готский» двор. Он назывался «двором святого Петра». В одной из церквей Висби хранился ящик с деньгами двора св. Петра, а ключ от этого ящика находился у четырех старшин готского двора («альдерманов»). Торговля готских купцов с Новгородом в XIII в. достигла уже весьма больших размеров.

И новгородские купцы ездили в Висби. «Новгородцам гостить на готском берегу без препятствий» — гласила одна из статей торгового договора Новгорода с немцами. В Висби сохранились развалины новгородской церкви св. Николая.¹

В конце XIII и XIV вв. Висби стал терять свое значение. Купцы северных немецких городов со своими товарами стали направляться прямо в Ригу или в Новгород, минуя Висби. Главенствующая роль в торговле на Балтийском море постепенно перешла к союзу северных немецких городов, известной Северной Немецкой Ганзе, возглавляемой г. Любеком. Окончательно оформившаяся в середине XIV в. Ганза установила на 150 лет свою торговую монополию на северных морях Европы. Ганза вступила в торговые сношения и с Новгородом. Рядом с Готским двором в Новгороде был поставлен Немецкий. А в конце XIV в. ратманы (городские власти) обедневшего Висби сдали Готский двор в наймы Ганзе.

Главной дорогой для ганзейских купцов был прежний водный путь через Финский залив, Неву и Ладожское озеро.² Весь путь от Финского залива до Новгорода, согласно договору Ганзы с Новгородом, немцы находились под охраной Новгорода. На Котлине³ немецких купцов встречал новгородский «пристав». Когда купцы попадали в Неву, они имели право свободно рубить лес на мачты по обоим берегам реки. (Мачты нередко приходилось менять после долгого пути по морю.) У волховских порогов (там, где теперь находится Волховская ГЭС) товары перегружались с морских кораблей на речные суда. Новгородские лоцманы должны были здесь

¹ Святой Николай-угодник считался покровителем морских поездок.

² Ездили они и через Ригу «горной» (сухопутной) дорогой.

³ Остров на Финском заливе, где теперь крепость Кронштадт.

безостановочно проводить через пороги немецкие суда за установленную плату.

Приехав в Новгород, немцы становились на якорь недалеко от моста через Волхов. Начиналась разгрузка судов. Тюки с фландрскими и английскими сукнами (это был самый важный из немецких товаров), нидерландские и северно-немецкие полотна, шелковые ткани, бочки с вином и пивом, куски металла (олово из Англии, медь из Швеции, богемское железо и испанский свинец), пергамент (позднее писчая бумага), цветное стекло — все это выгружалось из судов на подводы извозчиков.¹ С грохотом и лязгом товар следовал по деревянной мостовой на Готский и Немецкий двory.

Немецкий и Готский двory были укрепленным местом стоянки приезжих купцов. Ганзейцы во всех своих факториях (торговых конторах) и в Лондоне, и в Бергене жили обособленной, изолированной от местного общества жизнью. Но эта изолированность нигде не достигала такой степени, как в Новгороде. Немецкий и соединенный с ним позднее Готский двор были окружены крепким забором. Вокруг него на восемь шагов запрещалась застройка. У ворот день и ночь стояли вооруженные караульные. Вечером ворота наглухо запирались и спускались с цепи большие собаки. Строй жизни в немецком дворе напоминал собой порядки в военном лагере. Устав двора (скра) был записан. В нем подробно описывались обязанности купцов и их приказчиков. Старшина двора (альдерман) имел право суда над приезжими купцами и даже право казни. За непослушание грозил большой штраф.

Внутри двора стояли двухэтажные дома, где жили артелями приезжие; тут же находились церковь, баня, пивоварня и амбары. Товары размещались по амбарам, а самые ценные из них хранились в здании церкви. Весь церковный подвал был заполнен товарами, но часть их складывали и в самой церкви. Даже в алтаре стояли бочки вина. Только на самый престол запрещалось под угрозой штрафа класть товары. Для охраны

¹ Плата извозчикам была установлена договором.

товаров в церкви дежурили двое купцов. Если кто-нибудь уклонялся от ночного дежурства в церкви, ему грозил штраф. При церкви держали священника. Он справлял церковную службу. Он же вел переписку за неграмотных немецких купцов. А в его келье стояли весы для взвешивания денег и драгоценных вещей. Так умело примирались заботы о спасении души с коммерческими делами купцов.

В своих деловых сношениях с новгородцами немецкие купцы выступали сплоченной, организованной группой. Все сношения их с новгородскими властями и с Ганзейским союзом вел альдерман. Торговля была строго регламентирована. Было ограничено количество товаров, какое мог привезти с собой отдельный купец. Ввоз некоторых товаров был вообще запрещен. Так, запрещалось ввозить драгоценные металлы и оружие. В 1373 г. запрещено было ввозить излюбленные новгородцами красные сукна: пусть-де раскупают сначала не такие ходкие зеленые сукна. Регламентировалась и продажная цена товаров. Более прочная организованность немцев делала их хозяевами новгородского рынка. Они диктовали новгородским купцам цены, и те обычно должны были уступать.

Обе стороны (и немцы и новгородцы) усердно старались обмануть друг друга. Новгородцы жаловались, что немцы привозят сукна слишком узкие, что винные бочки у немцев меньших размеров, чем принято, что вино низкого качества и т. д. Немцы со своей стороны жаловались на то, что новгородцы непрерывно ухищряются их обманывать: то недостаточно туго набьют кадушку воска, то в воск подложат кирпичи, то подсунут порченую шкуру. Нередко вспыхивали ссоры между купцами; иногда дело доходило до вооруженных схваток и даже до перерыва в торговле.

Однако новгородская торговля была настолько выгодна для немецких купцов, что все эти столкновения и обиды скоро забывались, и немецкие купцы снова направлялись за новгородским товаром. Да и хозяева Великого Новгорода со своей стороны дорожили торговлей с немцами. Готская и ганзейская торговля имела огромное значение для Новгорода. Запад-

ная Европа в лице ганзейских купцов являлась главным покупателем новгородских мехов, кожи, льна, конопли, воска, меду — всего того, что новгородским феодалам удавалось отбирать от своих крестьян и населения новгородских колоний.

Продавая европейским купцам свои товары, Новгород получал от них взамен искусные изделия европейских ремесленников, которые можно было использовать не только в Новгороде, но и выгодно продать в другие феодальные княжества Восточной Европы. Новгород был главным «окном в Европу» для русских княжеств XIII—XIV вв.

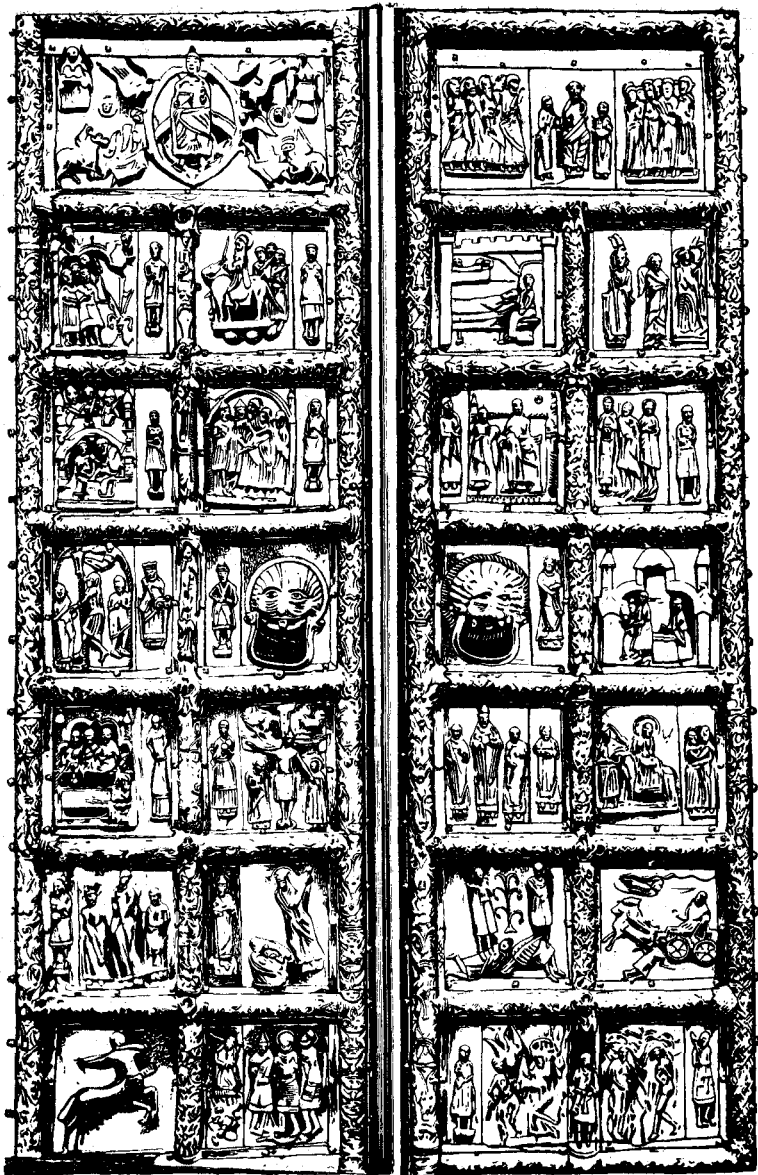
Крепкие связи Новгорода с Западной Европой наложили отпечаток на весь строй новгородской жизни. Новгород был самым европейским из русских городов.

Немецкие изделия нередко встречались в новгородском быту. На стенах Софийского собора висели известные «корсунские врата», изготовленные немецкими мастерами.

В работах самих новгородских мастеров чувствуется влияние западноевропейских образцов. Правда, преобладающими влияниями остается византийское или кавказское, но в некоторых памятниках резко чувствуется влияние западного искусства. Несколько лет тому назад в Антониевом монастыре, возле Новгорода, была раскрыта часть старой фрески XII в. Она поражает европейской манерой письма.

Торговля Новгорода с другими русскими княжествами в XIII—XIV вв. достигла также больших размеров. Реки, которые с разных сторон текли в Ильмень-озеро, служили естественными дорогами от Новгорода к важнейшим речным системам Восточной Европы. По Шелони нетрудно было добраться к бассейну Чудского озера. Ловать подводила к притокам Западной Двины и Днепра (через нее шел знаменитый в XI в. путь «Из Варяг в Греки»). А верховья Мсты так близко подходили к притоку Волги, Тверце, что их отделял только небольшой «волок» (там, где возник город Вышний Волочок).

На западе Новгород вел оживленную торговлю со Псковом. Через Смоленск новгородские купцы поддерживали связи с

Коринтские ворота.

днепровскими землями. Еще большее значение имела торговля с «Низом», т. е. с волжскими княжествами. В договорах с волжскими князьями новгородцы обычно выговаривали себе свободную беспощинную торговлю на Волге. «А гостям Новгорода и с пригородов дать тебе им путь чист без рубежа¹ сквозь Тверь и тверские владения» — гласит один из пунктов договора Новгорода с тверским князем. Торговля с Низом приобрела существеннейшее значение для Новгорода. Оттуда новгородцы получали в обмен на новгородские меха и европейские изделия хлеб, а без привозного хлеба Новгород не мог просуществовать.

Развитие новгородской торговли повело за собой возникновение особых купеческих организаций. Из них особенно выдвинулось объединение купцов вошаников. Оно создано около церкви Ивана на Опоках. По имени церкви оно называлось Иванским. В Иванское общество входил самый верхний слой новгородских купцов. Каждый вступающий в Иванское общество должен был сделать очень большой вклад (50 гривен серебра в товарищество и 25 гривен в пользу церкви). В бурные годы борьбы против князя Всеволода Мстиславича Иванское общество получило ряд очень важных прав. Торговый суд в Новгороде был передан Иванскому обществу. В его же ведении находились меры веса и длины (вошаные «скалвы», медовые пуды или безмены, маленькие гирьки для взвешивания благородных металлов и дорогих товаров вроде перца, иванский «локоть» и др.).

Кроме Иванского, существовал ряд других купеческих товариществ: Заморские купцы, Низовские купцы, Югорщина. Самые условия средневековой торговли толкали купцов к объединению. Далекие торговые поездки в ту эпоху не могли вестись в одиночку отдельными купцами. Купцы отправлялись в путь вооруженными отрядами.

Каждое из этих товариществ имело свою церковь (так же как и западноевропейские купеческие гильдии), которая явля-

¹ Без таможи.

лась и духовным покровителем организации, и местом хранения торговых книг и наиболее ценных товаров.

Полная приключений и неожиданных поворотов судьбы жизнь новгородского купца нашла отражение в известных былинах о Садко — богатом госте. За сказочными приключениями Садко легко подметить характерные черты новгородского купца. Неожиданное обогащение (от удачной рыбной ловли), скупка новгородских товаров (для перепродажи), полная страхов поездка по морю, постройка церкви после удачного возвращения — все это живые черты новгородской действительности. И даже герой былины, Садко, может быть, — реальное историческое лицо, тот самый Сотко Сытинец, о котором упоминает в 1167 г. новгородская летопись («На ту же весну заложи Сотко Сытинец церковь каменну святую мученику Борису и Глебу»).

Из былин о Садко наиболее интересна былина о том, как Садко пытался скупить все новгородские товары.

Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
В своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному.
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе звезды — и в палатах звезды,
На небе месяц — и в палатах месяц...
Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иный хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой — удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,

Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодчеством.

Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:

«Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.

Что же у нас Садко ничем не похвастает,
Что у нас Садко ничем не похваляется?»

Говорит Садко-купец, богатый гость:

«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?

У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.

А похвастать — не похвастать бесчисной
золотой казной:

На свою бесчисну золоту казну

Повыкуплю товары новгородские,

Худые товары и добрые!»

Не успел он слова вымолвить,

Как настоятели новгородские

Ударили о велик заклад,

О бесчисной золотой казны,

О денежках тридцати тысячах:

Как повыкупить Садку товары новгородские,

Худые товары и добрые,

Чтоб в Новеграде товаров в продаже боле не было.

Ставал Садко на другой день раним-рано,

Будил свою дружину хоробрую,

Без счета давал золотой казны

И распушал дружину по улицам торговым,

А сам-то прямо шел в гостиный ряд.

Как повыкупили товары новгородские,

Худые товары и добрые,

На всю бессчетну золоту казну.
На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распушал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров понавезено,
Вдвойне товаров принаполнено —
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день вставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распушал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На ту на великую на славу новгородскую.
Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света.
Още повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский.
Побогаче меня славный Новгород.»

V. ГОРОД НОВГОРОД И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ В XIII—XIV ВВ.

Великий Новгород — удивительно большой город.

(Из записок французского рыцаря Ланноа.)

На европейца XIV—XV в. Новгород производил впечатление очень большого города. Когда иноземный купец после долгого и утомительного путешествия останавливался у новгородского моста или несколько ниже его по Волхову, у Антониева монастыря, перед его глазами по обе стороны Волхова вставали многочисленные новгородские постройки. Из них прежде всего внимание приезжего привлекал «детинец», обширнейший новгородский замок, за стенами которого поднимались главы Софийского собора и других церквей. Стены детинца были каменные с многочисленными башнями. Над некоторыми воротами подымались «надвратные церкви».

Из ворот, обращенных к Волхову, спускалась дорога к мосту. Длинный мост, наискось переброшенный через широкий и беспокойный Волхов, выглядел не особенно прочным сооружением.

Нередко в половодье или в бурю Волхов сносил части моста, и новгородцам приходилось спешно чинить его. Это требовало немалых средств. В 1229 г. во время борьбы с князем Ярославом новгородцы конфисковали дворы княжеских сторонников, обратили захваченное имущество на постройку «великого моста». Но и этот новый мост не всегда мог выдержать напор разбушевавшихся стихий.

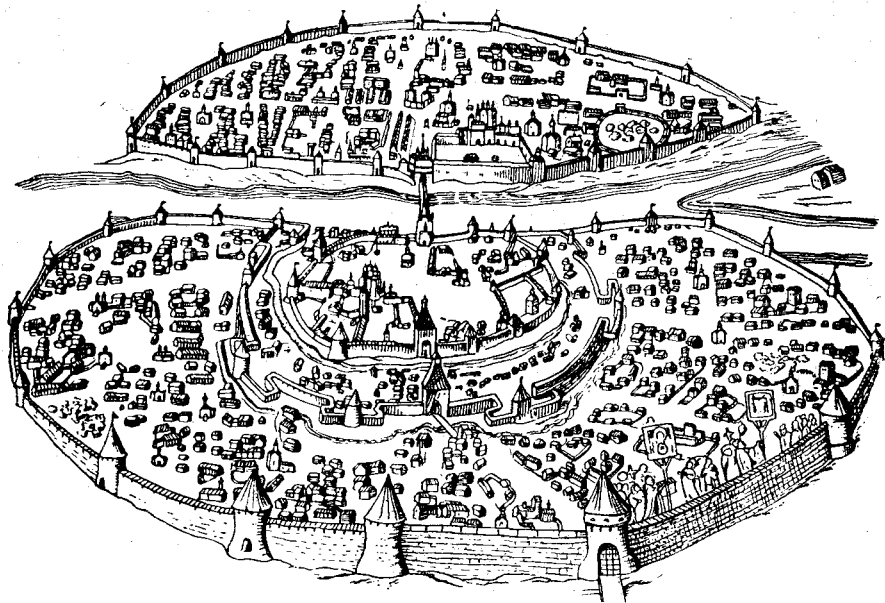
Мост соединял Софийскую сторону с Торговой. На последней всего дольше и задерживался взор приезжего купца. И понятно почему. Сразу же у моста находилась Торговая площадь, загроможденная разнообразными товарами. Товары подвозились в Новгород, главным образом, по воде. Поэтому и самый оживленный торг был около реки. Кроме иностранных судов, около моста по обе его стороны теснились плоты и ладьи с различными сельскими продуктами из новгородских пятин: тут был хлеб, толокно, хмель, солод, орехи, воск, мед, клюква и брусника. Очень большое место занимали лесные материалы: строевой лес, доски, брусья, тес. Местами подымались совсем готовые срубы для хором.

Рыбаки подвозили с Ильменя разную рыбу. Вернувшаяся из далекой поездки за Волоч боярская ватага на «ушкуях» везла сюда свою добычу — меха. Все это разгружалось на берег, частью продавалось тут же на месте, частью шло на Торговую площадь или на склады.

Дорога на Немецкий двор шла через шумную Торговую площадь. На ней всегда было оживленно. Шла бойкая торговля привозными товарами. Городские ремесленники выносили сюда свои изделия. Многочисленные нищие и разные юродивые просили милостыню, гнусавым голосом распевая молитвы, пьяные горланили около кабаков. Порой на площади выступали с песнями и пляской веселые люди — скоморохи и гуляры.

На Торговой площади был центр новгородской хозяйственной жизни. По краям площади были расположены амбары. Тут же находилась известная церковь Ивана на Опоках, где под охраной церкви стояли городские весы.

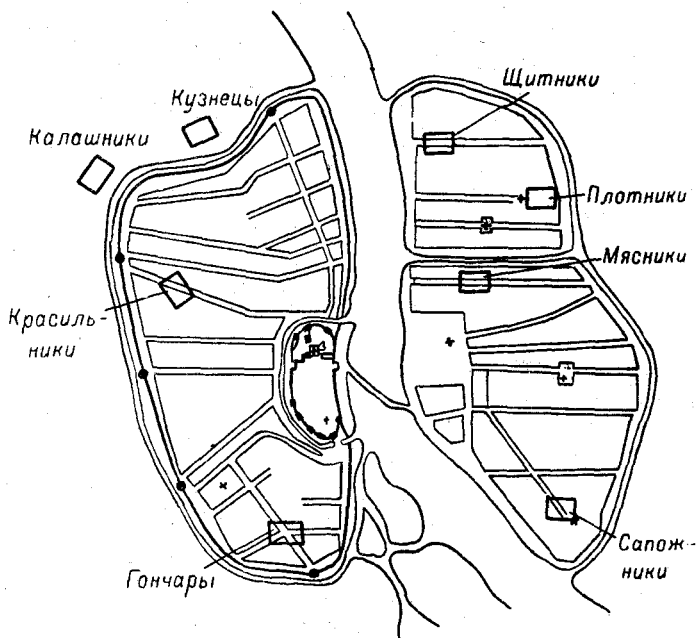
От площади рукой подать было до дворов иноземных купцов: Готского, Немецкого и Псковского. А рядом с Торговой площадью находился Ярославов двор, место, где созывалось вече. Эта часть города («Славенский конец») бесспорно была его важнейшей частью. В Славенском конце находились издавна и дома самых богатых новгородских бояр. Их деревянные хоромы на Нутной улице, на Рогатице, на Варяжской

План древнего Новгорода.

На левом берегу Волхова (на Софийской стороне) были главные укрепления. Город здесь окружен тройной стеной. На правой стороне (Торговой), сразу за мостом, — огороженный двор Ярослава.

улице были окружены разными хозяйственными постройками и садами. Рядом с богатыми хоромами бояр, житых людей¹ и крупных купцов в Славенском конце встречались и дома ремесленников. Но еще больше ремесленников было в соседнем со Славенским Плотницком конце (недаром он

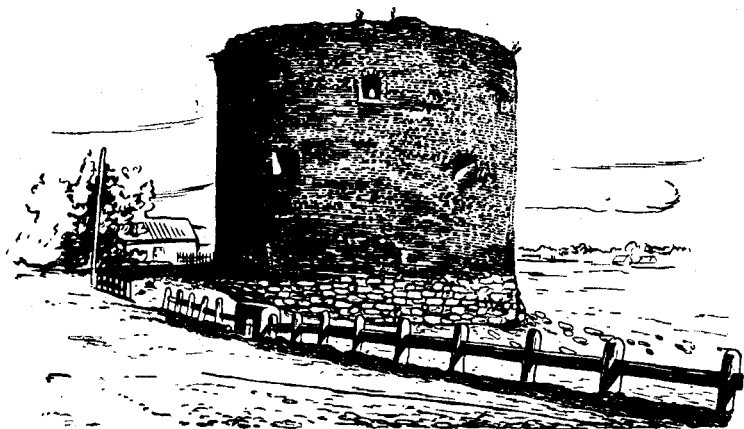

Расположение ремесел в древнем Новгороде.

назывался Плотницким). Вообще в Новгороде XIII—XIV вв. было много разнообразных ремесленников. Памятью о них являются названия некоторых новгородских улиц, например Молотковской, Щитной. Да и летопись неоднократно упоминает о различных ремесленниках. Вспомним, что еще во время похода Ярослава на Юг киевские войска дразнили новгородцев плотниками. А в XIII в. среди городских воинов упомина-

¹ «Житыи люди» (зажиточные люди) — богатые купцы, землевладельцы.

нуты щитники, кожевники, серебряники, котельники, гвоздочники. Некоторые из ремесленников занимали в Новгороде, по крайней мере в XIII в., почетное место. Это можно сказать прежде всего об оружейниках «щитниках». Очевидно, тот Микифор щитник, который назван в летописи (1228 г.) рядом с боярином как участник суда архиепископа, был весьма влиятельным человеком в городе. И, должно быть, известными в Новгороде людьми были и Гаврила щитник,

Белая башня.

и Нежила серебряник, раз летопись называет их имена среди погибших в битве с литовцами (в 1234 г.). То же можно сказать о кожевниковом сыне Неждиле (1240 г.)

Таких влиятельных ремесленников были, конечно, только единицы. Масса же ремесленников вместе с возчиками, грузчиками, рыбаками составляла тот слой новгородского населения, который богатые верхи Новгорода презрительно называли «черными людьми». Этих «черных людей» было много и на Торговой стороне. Еще больше «черных людей» было на Софийской стороне. Здесь боярские дворы были редки. Они были сосредоточены на немногих улицах (особенно Прусской, Чулинцевой и Кузьмодемьяновской улицах). Все три конца

Софийской стороны (Людин или Гончарный, Загородский и Неревский) были по преимуществу слободами ремесленников. Среди них особенно много было гончаров.¹

Как все средневековые города, Новгород был тесно застроен домами. На узких и кривых улицах дома жались один к другому. Поэтому Новгород жестоко страдал от двух бедствий: от пожаров и эпидемий (и другие средневековые города с их скученным населением страдали от этих же бедствий).

Деревянный Новгород горел очень часто. В XIV в. летопись отметила 19 огромных пожаров. Некоторые из них охватывали чуть не весь город. Так летом 1340 г. пожар, начавшийся в Неревском конце, перебросился в детинец, где погорел и Софийский собор, и двор владыки. Пожар охватил и Торговую сторону. Сгорел и великий мост («а великий мост сгорел весь по воду»). В огне и дыму погибло много людей и товаров. (См. рисунок на стр. 55). Из многих церквей не успели вынести ни икон, ни церковных книг. Как нередко бывало в Новгороде, во время пожара начался погром и разграбление складов богачей.

Борьба с пожаром в деревянном скученном городе была необычайно трудным делом. А благочестивый летописец поучал, что пожары бывают «грех ради наших», чтобы люди покаялись в своих грехах. Впрочем, иногда новгородцы пытались отыскать виновных. Так в 1442 г., когда «бысть пожар лют и пакости людем много», новгородцы похватили нескольких подозрительных лиц и одних сожгли, а других побросали с моста в Волхов.

Еще более страшным бедствием для новгородцев были эпидемии. Если от пожаров гибли дома и имущество новгородцев, то эпидемии косили тысячами самих новгородцев. Так в середине XIV в. в Новгороде свирепствовала «черная смерть», чума. «Множество бесчисленно людей добрых помре тогда» — пишет летописец. Чума свирепствовала тогда не только по

¹ Недавно советские археологи раскопали в Славенском конце мастерскую новгородского сапожника.

То го же дѣла по горѣ ношъ городъ шельскіи
 и толико жаростъ огнена ѡбыла такои
 поведѣ огнь хожаше збоуреніи испихро
 и мнѡго мѡден по топниа полхоуѣ . и пре
 иде шогнь пани оустраноу чрезъ полхоуѣ
 и по сѣмъ страна по горѣ . и по шѣ цркви
 древа мѡ и каменѡи .

Пожар в Новгороде в 1340 г. (из летописи).

Новгороду. Она охватила всю Европу. (Это та самая «черная смерть», которую описал в «Декамероне» известный итальянский писатель Боккачио.)

Сильнейшая эпидемия в Новгороде разразилась и в начале XV в. По рассказу летописи живые едва поспедали хоронить мертвецов. Многие дворы вымерли целиком и были заколочены.

К этим двум бедствиям, от которых страдали все средневековые города, в Новгороде присоединялось нередко третье, жестокий голод. Окружающая Новгород область не отличалась особым плодородием, а ранние заморозки или упорные дожди нередко губили хлеб. Подвоз же хлеба с юга не был достаточно регулярным. В случае войны суздальские, тверские или московские князья закрывали дорогу для хлебных грузов. Тогда цены на хлеб в Новгороде стремительно росли. Быстро начинался голод, обострявшийся еще тем обстоятельством, что монастыри, бояре и богатые купцы припрятавали запасы в своих житницах.

Жуткие картины голода не раз встречаются на страницах новгородских летописей. В 1230 г. ранний мороз побил хлеб. В Новгороде начался жестокий голод. Часть населения разбежалась. Оставшиеся на зиму мерли в городе. По улицам валялись мертвецы, а голодные псы глотали человеческие кости. По распоряжению новгородского архиепископа вырыта была, наконец, большая яма для погребения. Туда свозили мертвецов со всего города. За зиму наполнили яму доверху. По рассказу летописи было свалено в яму свыше трех тысяч трупов.

К весне голод еще более обострился. Люди ели мох, липовую кору и лист. Ели кошек и собак. Некоторые дошли до людоедства: убивали людей и съедали их, или питались трупами. Участились нападения на дома богачей, где хранились запасы хлеба. Для мертвецов вырыли еще две больших ямы и обе наполнили опять доверху трупами.

«Горькая бедная память той весны» — восклицает летописец. «На улице скорь друг с другом, дома тоска, зряще

(при виде) детей, плачущих о хлебе, а других умирающих». И отцы и матери отдавали детей своих в рабство «из хлеба гостям».

Но ни голод, ни пожар, ни чума не останавливали роста города. Он вновь отстраивался после пожаров, возвращались жители, разбежавшиеся от чумы, — и город снова был полон кипучей жизнью. В середине XVI в. в нем было свыше 5000 дворов.

VI. ВЕЧЕВАЯ РЕСПУБЛИКА В XIII—XIV ВВ.

1. КНЯЗЬ

Поеди от нас, а мы себе князя промыслим.

(Из грамоты новгородцев князю Ярославу.)

В 1270 г., рассказывает новгородская летопись, был мятеж в Новгороде. Начали изгонять князя Ярослава¹ из города. Созвонили вече на Ярославовом дворе и убили Иванка,² а другие (сторонники князя) спрятались. А наутро к князю на Городище убежали тысяцкий Ратибор (он был ставленником князя), Гаврило Киянинов и другие приятели князя. Новгородцы взяли дома их на разграбление и разнесли хоромы. А к князю послали на Городище грамоту, написав на ней все его провинности. «А ныне, княже, не можем терпеть твоего насилья, — так кончали новгородцы грамоту. — Поеди от нас, а мы себе князя промыслим».

Князь прислал на вече двух своих бояр с поклоном. Он готов был поцеловать крест новгородцам на всей их воле. Но новгородцы ответили: «Княже, поеди прочь. Не хотим тебя. Или идем, весь Новгород прогонит тебя». И князь пошел из Новгорода поневоле.

Рассказ о событиях 1270 г. дает ясное представление о положении князя в Новгороде. Князь смиренно просит у веча оставить его в Новгороде, он обещает послушно выпол-

¹ Князь тверской Ярослав Ярославич был несколько раз новгородским князем.

² Один из сторонников князя.

нять желания новгородского веча. А вече сурово отвечает ему отказом и прогоняет его. На место неудобного слуги оно приглашает нового. «А мы себе князя промыслим» — заявляют новгородцы.

Новгородский князь в XIII в. отнюдь не был полновластным господином Новгорода. Он был связан по рукам и по ногам новгородской общиной. Сохранилось несколько письменных договорных грамот Новгорода с приглашаемыми князьями. В них новгородцы заботливо перечисляют все, чего не может делать новгородский князь. Вот на каких условиях договаривались новгородцы с тем самым Ярославом, который в 1270 г. был изгнан новгородцами.

1. Волости новгородские управляются новгородцами, а не слугами князя.

(«Что волостей новгородских, тех волостей, княже, не держати... своими мужи, но держати мужи новгородскими»¹).

2. Князь не может судить новгородцев без посадника («А без посадника ти, княже, суда не судити»).

3. Князь и его бояре не могут приобретать земельных владений в новгородской земле.

(«А в Бежицах² тебе, княже, ни твоей княгине, ни твоим боярам, ни твоим слугам сел не держати, ни купити, ни даром принимати и по всей волости новгородской».)

4. Князь не может выводить людей из новгородских владений или принимать их «в заклад».

(«И из Бежиц, княже, людей не выводити в свою волость, ни из иной волости новгородской, ни закладников принимати, ни твоей княгине, ни боярам твоим, ни слугам твоим, ни смерда, ни купчины»³).

¹ Из договорной грамоты 1270 г.

² Юго-восточная новгородская территория, соседняя с владениями тверского князя.

³ А тех, кто ранее «заложился» за князя, он обязуется отпустить. «А что закладников за тобою, или за княгинею или за мужами твоими кто купец — тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост. Так пошло в Новгороде. Отпусти всех продь» — так кончается грамота.

5. Князь не может сам торговать с немцами и вмешиваться в новгородскую торговлю с немцами.

(«А в немецком дворе тебе торговать нашего братнею, а двора ти не затворяти, а приставов ти не приставливати»¹).

Ограниченный в суде и в управлении в Новгороде, не имевший в новгородских владениях земель, лишенный права вести самостоятельную торговлю с немцами, князь в Новгороде оказывался инородным телом, слабо связанным с важнейшими сторонами новгородского хозяйства и политики. Он стоит как бы вне новгородского общества и государства. И то, что князь живет на Городище, а не в городе, подчеркивает его обособленность.

Правда, и в XIII в. некоторые князья пытались укрепиться в Новгороде, нарушив его вольности. Внешняя обстановка этому благоприятствовала. Натиск немецких рыцарей заставлял новгородских бояр искать помощи у сильных князей и мириться некоторое время с их самоуправством. Так было в особенности в княжение Александра Невского, которого несколько раз приглашали княжить в Новгород. У него было много столкновений с новгородцами. Несмотря на его успехи в войнах со шведами и немцами, новгородцы его изгнали.

Для борьбы с Новгородом князья пытались опереться на новую силу, укрепившуюся в Восточной Европе в XIII в., на татар.

Александр был верным союзником и слугой татарского хана. Помощь хана он старался использовать для упрочения своей власти во Владимиро-Новгородском княжестве. Совместными усилиями Александра и татар новгородцы были принуждены платить дань татарам. Как известно, во время похода Батыя Новгород не был взят татарами. Татары не дошли до него, остановленные разлившимися новгородскими реками (дело было весной). Поэтому новгородцы сначала не платили татарам дани. Новгородские низы оказывали сначала

¹ Судились немецкие купцы также не князем, а новгородским тысцким.

Того же дѣла цыгнаша по горѣ цы
ѿ себе ѿзмова горща
кнз дмитрѣа
александрѣа
кнзѣа

;

Повгородды изгоняют князя Дмитрия (из летописи).

энергичное сопротивление. В 1257—1259 гг. в Новгороде были большие восстания. Но правящая группа бояр пошла на сделку с князем и татарами. Свирыемыми казнями Александр установил порядок («овому носа урезаша, а иному очи выимаша» — «кому нос отрезали, а кому глаза вырвали»). Татары переписали новгородцев и собрали дань. Она всею тяжестью легла на плечи населения. Летописец отмечает, что бояре «творили себе легко, а меньшим зло». Так на время поладили правящие новгородские бояре, властный князь и татарские баскаки.

Но это усиление власти князя в Новгороде было весьма кратковременным явлением. Уже в 1264 г. летописец записал: «Выгнаша новгородцы князя Дмитрия Александровича (см. рисунок на стр. 61) сына Александра». А затем началось княжение Ярослава Тверского (брата Невского), о котором рассказывалось выше. Новгородцы стали попрежнему «промыслять» себе князей, заботливо настаивая на сохранении всех своих вольностей.

2. ВЕЧЕ

Се покончаша (порешили) посадники новгородские, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, все пять концов, весь государь Великий Новгород, на вече на Ярославле Дворе.

(Из новгородской судной грамоты.)

Высшей властью в Новгороде было вече. Оно приглашало и изгоняло князей (как мы это видели в 1270 г.), оно выбирало и смещало посадников, оно издавало законы, оно решало вопросы о войне и мире, оно устанавливало качество монеты. Словом, все основные вопросы управления рассматривались на вече.

Вече созывалось обычно на Ярославовом дворе. Для созыва веча звонили в особый вечевой колокол, звук которого новгородцы хорошо отличали от церковных колоколов. Приговоры

веча записывались, скреплялись вечевою печатью и хранились в вечевой избе.

Участвовали на вече все свободные новгородцы (мужчины), и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди. Есть основание думать, что на вече могли принимать участие и жители других городов новгородского княжества, оказавшиеся в Новгороде. На скамьях возле «степени» (возвышения, с которого произносились речи) рассаживались важные бояре. Остальные новгородцы во время вече стояли. Настоящего голосования на вече не было. Мнение вече выяснялось криками одобрения или недовольства. Обычно вопросы предварительно обсуждались на уличных и концевых сходках. На общее вече концы часто приходили с готовым решением и старались его провести. К каким они для этого прибегали средствам, видно из бурных событий 1359 г. «Славяне» (жители Славенского конца, где сосредоточивались дворы новгородской знати) явились на вече с оружием и разогнали безоружных заречан (жителей Софийской стороны). Многих из них «полупили», а одного из вождей заречан даже убили. Таким путем славяне добились низложения посадника Андреяна Захарьича и выбрали нового (Селивестра).

Софийская сторона не пожелала подчиниться. Началась вооруженная борьба. Славяне, чтобы защититься от заречан, переломали мост. Но Софийская сторона одержала верх. Вожди славян пострадали («взяша села селивестровы на щит, а иных сел славенских много взяша; много же и невиноватых людей погибло тогда»). Вместо ставленника славян Селивестра выбрали нового посадника.

Как видим, дело на вече порой решалось открытой силой. Иногда недовольные новгородцы созывали свое (второе) вече. Чаще всего как место для второго вече выбирали двор Софийского собора. В бурные дни наиболее острых классовых схваток в Новгороде нередко действовали два вече, как бы два соперничавшие правительства.

После гибели Луки Варфоломеевича в Заволочье его сын (Онцифор) и брат (Матвей) начали обвинять бывшего посад-

И онцы форъма тѣхъ въ зазвоннша
 свѣчюустыа софін . а фѣдоръ іанрѣ
 зазвоннша оуби на гарославоидорѣ
 и послаша онцы форъ и
 матіенюлкѣ
 на вѣ

46

;

Два веча (из летописи).

ника в том, что он подготовил убийство Луки. Черные люди поддерживали Онцифора. Онцифор с Матвеем созвонили вече у Софийского собора, их противники созвали другое вече на Ярославовом дворе. Так одно против другого, отделенные только рекой, собрались два веча — «сия страна себе, а сия себе» (см. рисунок на стр. 64). Упоминание о двух вечах мы встречаем в XIV в. неоднократно. В 1384 г. славяне, выступив в защиту приглашенного из Литвы князя (Патрикия), созвали вече на Ярославовом дворе, а другое вече собралось опять у Софийского собора. Обе стороны были вооружены («обои в оружьи, аки на рать»).

Через четыре года (в 1388 г.) три конца Софийской стороны, недовольные посадником, собрались на вече у Софийского собора и оттуда, вооруженные, двинулись к дому посадника (он был на Софийской стороне) и разгромили его. Посадник бежал за реку в Плотницкий конец. Торговая сторона поднялась за него. Началась длительная борьба («начаша людей лупити, перевозчиков бити от берега, а суда сечи»). Она продолжалась две недели. Дело кончилось победой мятежного софийского веча.

3. НОВГОРОДСКИЕ ПРАВИТЕЛИ (САДОВНИКИ)

Благословление от Владыки, поклонание от Посадника Михаила и от Тысяцкого Кондрата и от всего Новгорода.

(Начало грамоты Новгорода с Ярославом Тверским.)

Во главе новгородской республики стояли выборные лица. Важнейшее место из них занимал посадник. В его руках находились все важнейшие стороны управления. Посадник собирал вече и председательствовал на нем. От его имени он вел сношения с другими государствами, заключал от имени Новгорода союзные договоры, объявлял войну. Он часто выступал в качестве руководителя военных сил Новгорода. Он играл большую роль в новгородском суде.

В XI в. посадники назначались князьями (таким назначенным посадником был, например, известный Остромир).

В XII в. они стали выборными. (Первое упоминание о выборном посаднике относится к 1126 г.)

Срок, на который выбирались посадники, не был установлен. Вече могло в любое время сместить посадника. Оно нередко

Герб Новгорода.

пользовалось этим правом. За XIV в. посадники сменялись 28 раз (может быть даже больше, если допустить, что не все случаи смены посадников отмечены в летописи).

Смена посадника чаще всего объяснялась недовольством его политикой и нередко сопровождалась конфискацией имущества, изгнанием и даже казнью. Так в 1346 г. новгородцы, недовольные посадником Остафием Дворянином, «позвониша вече и убиша Дворянина посадника на вече». В 1350 г. новгородцы «отгьяна (отняли) посадничество у Федора Даниловича и даша Онцифору Лукичу». А самого Федора и его братьев изгнали из Новгорода и разграбили их имущество (см. рисунок на стр. 68). Значительно реже посадник уходил по своей воле.

И второй крупный новгородский сановник — тысяцкий — был выборной властью и так же зависел от веча, как посадник. Часто тысяцкого смещали и выбирали одновременно с посадником. «И даша посадничество Степану Твердиславичу, а тысяцкое Миките Петриловичу» — пишет, например, летописец в 1230 г.

Тысяцкий был начальником новгородской «тысячи», т. е. городского ополчения. Кроме того, он имел значительную судебную власть. Он ведал всеми делами между немецкими и новгородскими купцами и руководил торговым судом старост Иванского купечества. Наконец, тысяцкий часто выполнял и другие поручения, заменяя посадника.

Посадник и тысяцкий были общегородскими властями. В каждом конце были и свои местные власти, кончанские старосты, выборные руководители кончанских веч. Во главе сотен, в которые входили купцы и черные люди Новгорода, стояли выборные сотские. Население отдельных улиц имело своих, тоже выборных, уличанских старост.

Таким образом вся администрация Новгорода от посадника до уличанского старосты была выборной.

Выборным лицом стал и глава новгородской церкви, владыка новгородский. Первоначально новгородский епископ назначался киевским митрополитом. Так же, как другие епископы, первые новгородские епископы были греками. Но по мере того как Новгород становился самостоятельным городом, и владыка новгородский приобрел независимость от Киева.

В 1156 г. новгородцы впервые выбрали себе епископа, который только через два года отправился в Киев на поклон и посвящение митрополиту. Киевский митрополит смирился с новым порядком поставления новгородских епископов. Уступчивость митрополита объяснялась двумя причинами — слабостью Киева в XII в. и щедрыми дарами, которые привозили в Киев новгородские ставленники.

С этих пор новгородские епископы и архиепископы (с 1168 г. новгородский владыка принял сан архиепископа) избирались на особом вече с участием новгородского духовенства. Вече

Того же лѣта въгнаша новгородцы и зно
 ца горда допскоу посадника Федора .
 и братья его михаила и юрья іандрѣя на
 адомы и разграбиха . и проукоу юули
 цоу сию пограбиха . и ни же и дошоу
 и зопскоу а вѣс
 перыи

Новгородцы изгоняют посадника Федора (из летописи).

созывалось около Софийского собора. Обычно на вече выбирали трех кандидатов, а затем бросали между ними жребий. Слепой или мальчик брали два жребия с церковного престола (стола), и тот, чей жребий оставался, делался новгородским владыкой.

Новгородский владыка играл очень большую роль в политической жизни Новгорода. В разгаре политической борьбы новгородцы низлагали неугодных им владык. Так в 1211 г. они низложили архиепископа Митрофана, сторонника суздальских князей, и выбрали вместо него новгородского боярина Добрыню. Еще интереснее события 1228 г., когда «простая чадь» низложила архиепископа Арсения, союзника суздальских князей. «Аки злодея пихающе за ворота выгнаша» — так картинно изображает летопись это низложение.

Так с XII в. все новгородские власти стали выборными. Новгородцы XIII—XIV вв. были «вольны» и в князьях, и в посадниках, и в тысядках, и во владыках.

VII. ПОДЛИННЫЕ ХОЗЯЕВА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

1. БОЯРЕ

Внутри упомянутого города (Новгорода) живет много больших сеньеров, которых они называют боярами, и там есть такие горожане, которые владеют землею в 200 мь длины, богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские других властителей, кроме этих бояр, выбираемых по очереди так, как хочет община.

(Из записок французского рыцаря Ланноа.)

На вече новгородском наряду с боярами и житеыми людьми участвовали купцы и черные люди. Но на деле Новгородом правили бояре. Все новгородские посадники вышли из рядов бояр. Свергая одного посадника боярина, иногда даже убивая его, вече выбирало на его место другого боярина. Когда в 1342 г. в Новгороде выступали один против другого два веча, во главе одного из них стоял боярин Федор Данилович, во главе второго, где собирались недовольные заречане, стоял тоже боярин Онцифор Лукич.

Внимательно изучая смену новгородских посадников, можно установить даже большее. Новгородские посадники XIII—XIV вв. выходят из очень небольшого числа боярских семей. У известного посадника Твердислава отец был посадником. Его сын и внук были также посадниками. У Онцифора Лукича дед, прадед, дядя, двоюродный брат и сын были посадниками. Летопись позволяет нам проследить почти в течение 200 лет историю этой боярской фамилии. Первым известным представителем этой боярской семьи был Миша, крупный деятель середины XIII в., один из вождей новгородцев в войнах со шведами; он отличился в битве 1240 г.: («новгородец именем Миша пеш с дружиною своею наскочи, погуби три корабля».) В 1257 г.

во время борьбы новгородцев против татарской дани он был убит в Новгороде. Потомки этого Миши играли в новгородской политической жизни очень большую роль. В XIII в. два сына Миши были посадниками, а в XIV в. из потомков Миши пятеро были посадниками. Известный руководитель похода на Двину в 1342 г., Лука Варфоломеевич, принадлежал также к этой семье.

Новгородские бояре.

Несколько наиболее крупных боярских семей боролись за должность посадника. Несколько десятков боярских семей и были действительными господами Великого Новгорода.

Политическое значение новгородского боярства держалось на его богатстве. Откуда же оно черпало свои богатства? Новгородские бояре были прежде всего крупными землевладельцами. Их родовые владения начинались сразу за границами городской земли. Часто в этих пригородных вотчинах находились боярские церкви. Такова, например, церковь Спаса на Ковалеве, бывшая родовой церковью бояр Жабиных. В ее подвалах недавно обнаружена усыпальница Жабиных. Но особенно велики были владения бояр в волостях новгородских. Они тя-

нулись здесь иногда на много десятков километров. Так, все побережье реки Ваги принадлежало новгородским боярам Своеземцевым. (Первый из Своеземцевых купил эту землю у местной чуди в 1315 г. за 20 тысяч белок и 10 рублей.)

Смерды, жившие на боярских землях, платили оброки своим господам. В своих имениях новгородские бояре держали и много холопов. О положении холопа можно судить по известной статье Двинской грамоты. «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или рабу, и случится смерть, на том наместники не судят, ни вины не емлют» («А если какой-нибудь господин согрешит, ударит своего холопа или рабыню, так что тот умрет, то за это наместники не судят господина и виновным не считают»). Следовательно, за убийство холопа господин не нес ответственности.

Не ограничиваясь доходами от своих смердов и холопов, новгородские бояре отправлялись за добычей в далекие походы. Поход Луки с дружиной на Двину в 1342 г. может служить примером такого рода грабительских предприятий на Востоке. А в то время как Лука занимался покорением и ограблением Двины, его сын Онцифор ходил с молодцами на Волгу. Мы не знаем подробностей о походе Онцифора на Волгу, но летопись сохранила подробные описания разбойничьих подвигов новгородских молодцов на Волге во второй половине XIV в.¹ Набеги ушкуйников на Волгу особенно участились лет через 20 после похода Онцифора. За десятилетие, с 1365 до 1375 г., летопись упоминает о шести больших набегах на Волгу. В 1365—1366 г. трое новгородских бояр набрали большой отряд новгородцев и отправились на 200 ушкуях. Под Нижним Новгородом они напали на караван восточных (бухарских) купцов и поживились их товарами. Досталось от ушкуйников и московским купцам, которых они встретили на пути. Вернулись они в Новгород «все здоровы». Новгородские власти не только не приняли никаких мер против бояр, занимавшихся разбоем,

¹ В Новгороде их звали «ушкуйниками», от слова «ушкуй» — особая лодка.

но, наоборот, взяли их под свою защиту от московского князя, который требовал наказания ушкуйников.

Не всегда дело кончалось так благополучно.

В 1375 г. очень большой отряд ушкуйников на 70 ушкуях под начальством Прокопа и какого-то Смольнянина пробрался рекою Костромою на Волгу. Костромичи со своим воеводой вышли навстречу ушкуйникам. Костромичей было около 5000, ушкуйников — 1500. Но победа осталась за ушкуйниками. Разбив войско, ушкуйники ворвались в Кострому и целую неделю грабили ее. Захватив с собой наиболее ценную добычу и пленников, ушкуйники поплыли вниз по Волге. По пути они разграбили и сожгли Нижний. У болгар в Казани они распродали свой живой товар (см. рисунок на стр. 74). Затем они двинулись дальше вниз по Волге, нападая на купеческие суда. Только возле Астрахани один из татарских князей обманым путем разгромил Прокопа и его ушкуйников.

Разбойничьи набеги новгородских бояр обогащали их огромной добычей. Это был второй источник богатства новгородских бояр. Они были не только землевладельцами, эксплуатировавшими своих смердов, но и крупными колониальными завоевателями и организаторами разбойничьих шаек. Главный герой новгородских былин, Василий Буслаев, сын богатого новгородского боярина, в молодости занимается со своею дружиной грабежом. «Смолоду бито много, граблено» — признается Василий встречным гостям, и эти слова можно было бы отнести ко многим представителям новгородского боярства.

Существенным источником обогащения для новгородских бояр являлось и занятие правительственных должностей в Новгороде. Особенно большие возможности для обогащения открывались посаднику и тысяцкому. В их пользу был установлен особый налог с плуга — «поралье посадничье и тысяцкого». В добавление к «поралью» посадники искали и других доходов. В новгородской летописи неоднократно встречаются жалобы на незаконные поборы со стороны посадника и его администрации. Так, посадника Дмитра Мирошкинича на вече обви-

И по зрати и шесъ поидоша в волга
ры еже еста и казань .
и поидоша
шесть про
даша

Ушкуйники продают пленных (из летописи).

няли в том, что он и его сторонники брали с новгородцев серебро. Огромные богатства Мирошкиничей в значительной мере созданы из этих поборов. Еще больше отличился посадник Водовик (1230 г.). Его молодцы («паробки») открыто убивали противников Водовика и имущество их грабили.¹ Только восстание новгородцев положило конец господству Водовика и его двора. «Добыток» Водовика поделили между новгородскими сотнями. Летописец, сообщив об этом, правдоучительно добавляет: «Они трудишася собирающе, а си в труд их внидоша. Собирает, а не весть, кому собирает».² Как «трудились» Водовик и его разбойничья шайка, собирая свой «добыток», мы видели.

Наконец, у новгородских бояр был еще один существенный источник дохода. Уже в XII в. часть бояр начинает усердно заниматься ростовщическими операциями. Позднее ростовщические сделки становятся одним из важнейших источников богатства и влияния новгородских бояр.

«Почему злата казна не тощится?» — говорит один из былинных героев (боярин Ставр):

Потому казна не тощится —
Скудным бедным я в долг отдаю,
Тем же ростом год проживу.

Недалеко от Новгорода расположен Покровский Щилов монастырь. Про основателя его, посадника Щила, сохранилась легенда, рассказывающая, что он разбогател при помощи ростовщических операций. В старости ростовщик Щил задумал построить церковь, чтобы загладить свои грехи. Владыка отказался освятить церковь, построенную на деньги ростовщика. (Православная церковь так же, как и католическая, считала в средние века ростовщичество большим грехом.) Во время отпевания Щила в построенной им церкви гроб его провалился сквозь землю. Тогда напуганный грозным знаменем вла-

¹ Главного своего противника Водовик приказал бросить в Волхов.

² «Они трудились, собирая, а эти трудом их завладели. Собирает, а сам не знает, для кого собирает.»

дыка велел написать на стене, у места провала, картину, где Шил был изображен в аду. Однако сын Шила сумел спасти душу отца от адских мук. Он нашёл по совету владыки священников из 40 церквей, чтобы они в течение сорока дней молились за грешника. И когда через 40 дней распечатали церковь, то оказалось, что голова Шила на стеной картине уже поднялась из ада. А из пропасти поднялся край гроба. Чтобы извлечь из ада и остальные части тела грешника, пришлось продолжать панихиды. Дважды по сорок дней молились за грешника, и в конце концов Шил был вырван из когтей дьявола, а гроб его сам поднялся из пропасти. Легендой о Шиле церковь свидетельствовала о своей готовности примириться с распространением в Новгороде ростовщичества. Она давала понять, что и для ростовщика дорога в рай не окончательно закрыта. Вероятно, не одна из многочисленных церквей Новгорода построена на средства ростовщиков, пытавшихся спасти свою душу, как герой легенды о Шиле.

Эксплоатация смердов, грабеж жителей колоний, насилия ушкуйников, поборы с подчиненного населения Новгорода и его земель, ростовщические ссуды — вот что создавало богатства новгородских бояр.

Их политическая власть основывалась на их богатстве. Крупные бояре были окружены многочисленными кормившимися около них «молодцами», «паробками».

Кто хочет пить и есть из готового,
Вались к Ваське на широкий двор.
Тот пей и ешь готовое,
И носи платье разноцветное.

(Из былины о Василии Буслаеве.)

В любителях разноцветного платья и готовой еды в Новгороде не было недостатка. На широкие дворы новгородских бояр валило много охотников. Из них возникали боярские дружины.

И прибрал Василий много-много товарищей,
Набрал он их три дружины в Новгороде.

Боярские дружины хозяйничали на новгородских улицах. Пьяные ватаги молодцов буянили на улицах, дрались со встречаемыми. Шуточки молодого Василия Буслаева, о которых рассказывает былина, живо напоминают о нравах этих новгородских молодцов:

Стал по улицам похаживать
С ребятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернет — рука с плеча,
Кого за ногу дернет — нога с колен,
Кого за голову дернет — голова с плеч вои.

Или, согласно другому, не менее красочному варианту:

А и ходя в городе уродует:
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку повыдернет;
Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окарачь ползет.

Дружина была основной опорой новгородских бояр. Окруженный ею, являлся боярин на вече, где все прислушивались к его голосу. С этой же дружиной, пополнив ее своими вооруженными холодами, новгородский боярин отправлялся на ушкуях в походы.

А когда новгородские черные люди поднимались против ростовщиков-бояр и шли громить боярские хоромы, тогда дружина с боярскими холодами защищала боярские дома и добро от «мужиков новгородских».

Сильные своим богатством, бояре были подлинными хозяевами Великого Новгорода.

2. НОВГОРОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Здесь есть епископ, который предстает как бы их начальника.

(Из записок Ланноа.)

У новгородских бояр был верный и сильный союзник, с которым они делили власть в Новгороде, — новгородская церковь. Как во всяком феодальном обществе, господство новго-

родских бояр (светских феодалов) поддерживалось силой не только меча, но и креста. Меч и крест — две надежнейших опоры феодального порядка. «Религия окружила феодальный строй священным сиянием божественной благодати» (Энгельс). И не случайно живопись того времени так любит изображать святых воинов (Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского, Бориса и Глеба, Федора Стратилата и т. д.). Сочетание креста с мечом, копьём и пандырем говорит об единстве «молящихся» с «воюющими». Феодальное искусство показывает, как религия освящала меч воителей.

Церковь была огромной силой в новгородском обществе. О ее значении говорит ярче всего огромное число церквей в Новгороде. Историк Новгорода насчитывает около 120 церквей в древнем Новгороде. Может быть, еще интереснее следующие данные. Летом 1311 г. в Новгороде были большие пожары. 28 июня горел один из концов Софийской стороны. «И сгоре — пишет летописец — церковь святого Козьмы и Демьяна и другая святого Савы и сорок четыре церковь сгоре». А 16 июля ночью вспыхнул пожар на Торговой стороне, погорел торг и много домов, а церквей сгорело 7 деревянных, а обгорело 6 каменных, а седьмая Варяжская (немецкая). Десятки сгоревших церквей упоминаются и во время других пожаров.

На страницах летописи очень часто встречаются записи о постройке церквей. Нередко бывают указаны и строители церкви. В XI в. главными строителями церквей были князья. В XIII—XIV вв. строят больше всего владыка новгородский и посадник («Юрий Онцифорович¹ постави церковь святую богородицу успение»). Порою в постройке церкви принимают участие уличане. «Того же лета посадник Богдан Обакунович со своей братьею и уличанами поставил церковь святого Симеона камешну на Чудинцевой улице». Некоторые церкви построены отдельными боярами. Они свидетельствуют о могуществе и богатстве строителей. Так возникла, например, церковь Федора Стратилата. «Того же лета заложи церковь камешну на

¹ Сын известного нам Онцифора Лукича.

Федорове улице Симеон Андреевич с боголюбивой матерью своею». Строили церкви и купеческие общества и отдельные купцы. Стремление показать свою силу и богатство, страх перед грозными бедствиями, забота о спасении своей грешной души, благодарность за удачное окончание войны или набега ушкуйников — все это часто выливалось в постройку новой церкви.

Церковь Федора Стратилата (1360).

«С молоду бито много, граблено, под старость надо душу спасти» — эти слова Василия Буслаевича отражают широко распространенные в Новгороде настроения.

Этими же причинами объясняется и необычайный рост монастырей и их владений. В самом Новгороде и в ближайших его окрестностях было около 30 монастырей. Новгородские бояре и купцы часто жертвовали земли и деньги монастырям, чтобы в старости спокойно пожить около «своего владышка». А умрет жертвователь, монахи будут вечно молить бога о спасении его души. Да и похоронят его в святом месте, возле монастырской церкви или даже в самой церкви. Спасая таким способом свою душу, бояре новгородские вместе с тем поддержкой церковью укрепляли свою власть.

Авторитет церкви в глазах масс новгородского населения был велик, как везде в средние века. Необеспеченность существования, пожары, голодовки, эпидемии, беспомощность перед грозными силами стихий, бессилие перед могущественными феодалами — все это заставляло массы искать убежища в религии, «духовной сивухе» для народа. Жадно ждали чуда, искали помощи сверху, утешали себя в темной, нищей жизни надеждами на будущее блаженство. Церковь поддерживала всячески эту веру и надежду, укреплявшую ее авторитет.

Входя в монастырь или церковь, невежественный и легковерный новгородец чувствовал себя окруженным атмосферой чуда. О самых известных новгородских святых рассказывали совершенно чудовищные по неправдоподобию легенды. Вот что рассказывалось об основателе находившегося возле Новгорода Антониева монастыря. Он был, по словам сказания, богатым римлянином. Юношей обрел он себя на отшельническое житие.

Однажды¹ он был погружен в молитву, на скале у моря, где был его приют. Внезапно подымавшаяся огромная волна вырвала скалу и стремительно понесла ее по морю. Через Гибралтар, по Атлантическому океану, на север к Балтийскому морю поплыло необычное судно с Антонием, так углубившимся в молитву, что он ничего не замечал. Наконец, миновав Неву и Ладожское озеро, камень понесся по Волхову и остановился возле Новгорода. Здесь Антоний и поставил келью, ставшую ядром будущего монастыря. В нем в течение ряда столетий показывали как святыню камень, на котором Антоний приплыл из Рима, и тростниковую ветвь, которую он держал в руках во время своего столь далекого и столь необычного путешествия.

Еще более чудесные истории рассказывали про новгородского епископа Иоанна, современника борьбы новгородцев с суздальскими князьями.

В XV в. Иоанн был объявлен святым. Два чуда, связанные с его именем, пользовались особой известностью. (О них рас-

¹ Легенда точно называет день, когда это произошло, — 5 сентября 1106 г.

сказывается в известном литературном произведении XV в. «Слово о великом Иоанне архиепископе Великого Новграда, како был во единой нощи из Новгорода во Иерусалим град и паки возвратися в Великий Новград тое же нощи».)

Чудо № 1. Однажды в келью к Иоанну, молившемуся ночью, пробрался бес. Он залез в медный умывальник и стал там плескаться водой, чтобы помешать Иоанну молиться. Иоанн, догадавшись о проделках лукавого беса, начал крестить умывальник. Огражденный знаком креста, бес не мог вылезть из умывальника. Он оказался в руках у Иоанна, который согласился выпустить беса только при условии, что тот свезет его за ночь в святой город Иерусалим и оттуда обратно в Новгород. Бесу пришлось повиноваться. Он «изыде, яко тьма, из сосуда и ста, яко конь, перед кельею святого». ¹ Оседлав беса Иоанн за ночь слетал в Иерусалим и вернулся оттуда обратно в Новгород. Чудесное путешествие Иоанна на чорте стоит плаванья Антония на камне. Чудодейственный рукомоиник Иоанна, который сыграл роль «бесоловки», показывали в Новгороде до самой Великой пролетарской революции 1917 г.

Чудо № 2. Бес решил отомстить Иоанну. То показывался он новгородцам в виде девицы, выходящей из кельи владыки, то новгородцы, приходя для благословения к владыке, находили у него в келье «монисто девичье и сандалию женскую». Бесовские шутки смутили новгородцев, которые усомнились в благочестии и строгой правдивости Иоанна. Они решили наказать грешного владыку. Вытащив его из кельи, новгородцы поругались над ним, потом с волховского моста посадили его на плот. Пусть-де плот унесет вниз по Волхову грешника. Но... свершилось чудо, «поплове плот вверх реки, никем же порываем». Пораженные чудом, новгородцы умолили владыку простить их и вернуться в Новгород. «Радость была всеобщая, а бесу скорь и безмерное посрамление».

Всем этим чудесным рассказам верили. Верили новгородские массы и в те многочисленные чудодейственные святыни, кото-

¹ «Вышел как тьма из сосуда и стал конем перед кельею святого».

рыми были полны новгородские храмы: и в камень Антония, и в рукомойник Иоанна, и в мощи Иоанна, и в чудотворную икону знамения, которая прослезилась, когда суздальцы попали в нее стрелой, и в путешествующую по воздуху икону Тихвинской божьей матери.

Конечно, встречались в Новгороде и проявления неверия. Былинный герой заявляет:

А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленый вяз.

Но тот же Буслаев озабочен тем, чтобы под старость душу спасти. Буйство новгородских повольников не мешало им искать прибежища в церкви.

Сильная поддержкой светских феодалов и религиозностью масс, новгородская церковь владела огромными богатствами. Ее земельные владения были очень велики и непрерывно до XV в. росли. В церковных сокровищницах лежало много драгоценных золотых и серебряных вещей.

Глава новгородского духовенства — владыка — и игумены новгородских монастырей были крупнейшими новгородскими феодалами. Новгородский Софийский собор хранил новгородские денежные средства. На епископском дворе находилась тюрьма, где был заключен, например, Всеволод Мстиславич.

Новгородские государственные (т. е. принадлежавшие самому городу Новгороду) земли находились в ведении «дома Святой Софии». Владения дома Святой Софии (Софийского собора), разбросанные по всем новгородским пятинам, охватывали не менее 15 000 дворов. Все поборы с них шли в софийскую казну. Владыка новгородский распоряжался с ведома веча и по его поручению всеми доходами «святой Софии». Он располагал огромными средствами и помимо доходов от земли. В его пользу шли судебные пошлины с владычного суда. Вступающие в брак платили особую пошлину «новоженный убрूस», которую священники направляли в софийскую казну. Вся многочисленная рать духовенства уплачивала владыке за посвящение особую пошлину — «благословленную куницу». Вла-

дыка новгородский имел право ездить по своей огромной епархии (подведомственной области) и за проезд брал особую сумму — «подъезд». Особенно часто заглядывал он в богатый Псков. Целый месяц проводил владыка во Пскове, отправляя там церковный суд, освящая новые церкви и... собирая пошлины. Псковское духовенство должно было в это время «кормить» владыку и многочисленных «софили», доставляя им все необходимые продукты. Кроме «корма» натурой, псковское духовенство должно было платить денежный оброк, так называемую «попleshную пошлину» (с каждой поповской «плещи»¹). Псковичи боролись против «подъездов» новгородского владыки, но только в середине XIV в. они сумели добиться некоторого ограничения прав архиепископа.

Власть архиепископа в Новгороде не ограничивалась пределами церкви. Ему принадлежала большая судебная власть. Его суду подлежали не только церковные люди (их он судил по всем делам), но и светские люди по всем вопросам, связанным с религией и семейными отношениями.

С владений «дома Святой Софии» владыка выставлял вооруженный отряд, «владычный стяг», который входил в состав новгородских войск.

Многочисленные служилые люди, духовные и светские, находились в распоряжении этого крупнейшего новгородского феодала.

Все вечевые постановления скреплялись его печатью. Наконец, владыка председательствовал в совете господ, важнейшем новгородском правительственном учреждении.

3. СОВЕТ ГОСПОД

Бурное новгородское вече оставило о себе много следов на страницах новгородской летописи. Но почти никаких материалов не сохранилось о деятельности того совета крупнейших новгородских феодалов, который действительно руководил по-

¹ В то время священники в отличие от светских людей выстригали на маковке головы волоса.

литикой вечевой республики. Тихо и неслышно протекала работа этого совета господ. О нем молчит летопись. И для историка это учреждение осталось бы почти совсем неизвестным, если бы о нем не было рассказано в иностранных источниках. Совет господ хорошо знали иностранные купцы. Они туда обращались по всем делам, прекрасно зная, что решение веча определяется тем, до чего договорятся на своем совете «господа».

Образовался совет господ в XIV в.

Состав его к XV в. установился следующий. В него входили посадники «степенный» и «старые» («старыми» назывались бывшие посадники, оставившие свою должность), степенные и старые тысяцкие, староста и сотские концов. Таким образом это было совещание настоящих и бывших новгородских властей. Другими словами, это было совещание крупнейших новгородских бояр, так как посадниками, тысяцкими и кончанскими старостами были крупные новгородские бояре.

Совет был невелик. В нем было вряд ли больше 50—60 человек. Одна из грамот (правда, относящаяся к концу XV в.) была скреплена 58 печатями новгородских вельмож. Собирался совет во владычных палатах и председательствовал в этом собрании феодалов крупнейший новгородский феодал — владыка.

Здесь в владычных хорах договаривались между собой властные хозяева Великого Новгорода.

VIII. ПАДЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ МОЩИ

1. ОТПАДЕНИЕ ПСКОВА

Посадникам новгородским в Пскове ни сидети и ни судити.

(Из договора Пскова с Новгородом.)

XIV век — время наивысшего расцвета новгородской вечевой республики. Но в том же XIV в. уже ясно выступают признаки начинающегося упадка Новгорода.

Новгородское господство вызывает все более сильное сопротивление со стороны подвластных Новгороду земель и городов. Новгородские пригороды стремятся высвободиться из-под власти новгородских посадников. Небольшим пригородам не удалось добиться освобождения. Но самый сильный из пригородов — Псков — в середине XIV в. стал самостоятельным городом.

Псков — один из старейших городов Восточной Европы. Об основании его не сказано в летописях. Он был расположен на реке Великой в западной части новгородских земель.

Развалины псковского крома (Кремля), поднимающегося на высоком круже мыса между реками Великой и Псковой, до сих пор напоминают о военной роли Пскова в XIII — XIV в.

Торговля с немцами обогатила город и сделала его одним из самых крупных торговых центров в Восточной Европе. Торговля Пскова с немцами начала развиваться уже с XII в. Иноземные купцы имели здесь свой «двор», как и в Новго-

роде. Они вывозили отсюда новгородские меха и продукты самой псковской земли: лен, хмель, кожу, смолу.

Уже в XII в. бояре и купцы богатого Пскова часто вели самостоятельную политику. Во Пскове нередко находили прибежище изгнанные из Новгорода князья и бояре. Здесь в свое время нашел опору князь Всеволод после переворота 1136 г., здесь держались Мирошкиннич после того, как они должны были оставить Новгород.

Иногда во Пскове бывали даже свои князья, вроде известного Довмонта, выходца из Литвы, храброго и энергичного воителя. Довмонт добросовестно служил городу, который его кормил; он успешно боролся с немцами, одержав над ними несколько крупных побед. Во время длительного княжения Довмонта (1266 — 1299 гг.) Псков был очень слабо связан с Новгородом. Довмонт даже воевал с новгородцами, взяв и разграбив новгородский пригород Ладогу.

С начала XIV в. псковичи стали выбирать своих посадников на вече. К этому времени Псков фактически перестал быть новгородским пригородом. А в середине века, используя затруднительное положение Новгорода, который вел в то время войну с шведским королем Магнусом, псковичи добились независимости от Новгорода. В 1347 г. в селе Болотове был заключен между Новгородом и Псковом договор. По этому договору Новгород отказывался от права посылать в Псков посадников. Церковь псковская оставалась под верховной властью новгородского архиепископа, но наместником своим во Пскове он должен был назначать кого-либо из местного псковского духовенства.

Из пригорода Новгорода Псков становился его «младшим братом». «Назваша братом младшим Новгороду Псков» — так записал о Болотовском договоре летописец. На деле Псков вел себя по отношению к Новгороду не как младший брат его, а как совершенно независимое государство. Псковское вече, псковские господа, псковские посадники решали все дела, не обращаясь в Новгород. Только по церковным вопросам Новгород сохранил некоторую власть над своим «младшим братом».

2. ВОССТАНИЕ НА ДВИНЕ

А двинские воеводы Иван и Конон с своими друи волости новгородские и бояр новгородских поделили себе на части.

(Из новгородской летописи.)

В конце XIV в. пошатнулось новгородское господство и в колониях.

Весною 1398 г. новгородцы усиленно готовились к большому походу на Двину против мятежных двинских бояр и поддерживавшего их московского князя. Город был охвачен необычайным возбуждением. На вече новгородцы заявляли: «Хотим поискать Святой Софьи пригородов и волостей. Или возвратим свою вотчину Святой Софьи и Великому Новгороду или головы свои положим за Святую Софью и за своего господина, за великий Новгород». На этом новгородцы целовали крест и просили новгородского владыку благословить их на поход. И владыка Иван благословил воевод новгородских и всех воинов, заявив им: «Пойдите Святой Софьи пригородов и волостей поищите, и своей отчпы». Так описывает летопись подготовку новгородцев к походу на Двину. Пожалуй, со времен Мстислава Удалого новгородцы ни разу не отправлялись на войну с такою твердою решимостью бороться до конца. Почему же так взволновались в 1398 г. и посадники новгородские, «и бояре, и дети боярские, и житьи люди, и купческие дети, и все их вои»? Для этого было достаточно оснований: дело шло о самой основе новгородского богатства и могущества. Восстала крупнейшая новгородская колония — Двинская земля. Отпадение ее грозило Новгороду потерей и самого Заволочья и других восточных земель, путь к которым лежал через Двинскую землю. Все колониальное могущество Новгорода было под ударом, а вместе с этим под ударом находились главные источники обогащения новгородских бояр. Поэтому-то они так усердно готовились к походу на Двину.

Восстание на Двине принимало опасные размеры. Население Двинской земли дружно поднялось против новгородцев. Нов-

городские бояре столкнулись здесь и с крестьянскими общинами и с местными боярами. Двинские бояре тяготились зависимостью от Новгорода и в новгородских боярах видели захватчиков, мешавших им развивать свое хозяйство. В свое время двиняне уже дали отпор Луке Варфоломеевичу, а в конце XIV в. они нашли сильного союзника, на которого можно было опереться в борьбе с Новгородом. Этим союзником был усилившийся в XIV в. московский князь. Владения вассалов московского князя подходили к притокам Северной Двины. Ватаги княжеских холопов издавна пробирались на север за пушниной, рыбой и за беломорскими кречетами, славившимися как лучшая птица для соколиной охоты. Со своей стороны двинские бояре и купцы через Устюг поддерживали торговые связи с волжским краем. В 1327 г. состоялось соглашение между московским князем и двинскими боярами. Послы московского князя подговорили двинских бояр «зататься за великого князя», обещая двинянам, что «князь великий хочет вас боронити (оборонять) от Новгорода, а за вас хочет стоять». Московский князь пожаловал «заложившихся» за него двинян особой грамотой. Грамота обещала защищать интересы двинских бояр и купцов. Но о низах двинского населения она обнаружила мало заботы. В ней мы находим знаменитую статью о безнаказанности господина, убившего холопа.¹ «Огрешавшийся» убийством холопа боярин не отвечал за это перед судом. Купцам двинским были предоставлены льготы, облегчавшие их торговлю с московскими землями.

В Двинскую землю был послан наместник московского князя. Он начал готовиться к обороне двинской земли от новгородцев. А вожди восставших Иван да Конон² со своими друзьями поспешили приступить к дележу владений Новгорода (земель святой Софии) и вотчин новгородских бояр. Местный двинский боярин торопился вытеснить с Двины сильного и опасного соперника.

¹ См. выше, стр. 72.

² Они были раньше новгородскими посадниками на Двине.

Однако успехи восставших оказались непрочными. Новгородцы с большой быстротой организовали поход на Двину. Трехтысячная новгородская рать отправилась весной из Новгорода. По дороге новгородские воеводы узнали от бежавших с Двины новгородских властей о размерах восстания, о захвате восставшими новгородских земель и о помощи московского князя. Эти известия заставили новгородских воевод изменить первоначальный план. Вместо того чтобы прямо ударить на Двину (через Вель), они решили сначала нанести удар грозившим им с юга вассалам московского князя. Они повернули сначала к Белозерску и опустошили и пожгли белозерские волости. Белозерские князья запросили пощады и откупились от новгородцев деньгами, уплатив им 60 рублей. Затем двинулись к Вологде и Устюгу. Устюг был взят и сожжен. Здесь главные новгородские силы задержались на 4 недели. А один из новгородских отрядов тем временем ходил на юг во владение московского князя. Этот отряд только немного не дошел до Галича, опустошив и выжегши княжеские волости. Всюду новгородцы забирали имущество и угоняли людей в полон. («А полоня поимаша беицсла, и животов поимаша беицсла» — несколько раз отмечает летопись.) Пленников было захвачено столько, что их нельзя было всех увести с собой. Поэтому новгородцы отпустили часть пленников за выкуп, а часть полоня бросили.

Разгромив северные волости московского князя, новгородцы двинулись, наконец, против главных сил восставших. Те заперлись в городке Орледе. Орледе, поставленный за пятьдесят лет до этого Лукой Варфоломеевичем как опорный пункт — для упрочения власти новгородских бояр на Двине, теперь стал последним прибежищем восставших. Взять Орледе удалось не сразу. Новгородцы окружили город, соорудили осадные машины и начали бить ими толстые стены городка. Осажденные защищались упорно. Только через 4 недели они сдались новгородцам, прося со слезами о пощаде.

Дорого заплатили двиняне за восстание. Правда, наместника московского князя новгородцы не тронули, чтобы не ослож-

нять в дальнейшем отношений с Москвой. Его отпустили, отобрав те пошлины торговые и судебные, которые он поспел собрать на Двине. Но с гостей московских, которые поторопились пробраться на Двину, взяли выкупа 300 рублей, а с самих двинян взяли деньгами 2000 рублей, да 3000 коней (на каждого новгородского воина досталось по коню.) Орлец был разрушен. Вожди восстания частью были казнены, а частью в оковах должны были следовать за победителями в Новгород.

Зимой новгородская рать вернулась в Новгород. «И ради быша (рады были) своей братье». Вождя двинских бояр Ивана Микитина бросили с Волховского моста. Двое его братьев вымолили себе жизнь и были пострижены в монастырь.

Таким образом Новгород сумел отстоять главнейшую из своих колоний. После восстания 1397—1398 гг. новгородские бояре не только вернули свои вотчины на Двине, но сумели захватить новые земли. XV век — время быстрого роста новгородского боярского землевладения по Северной Двине и ее притокам. Но победа над восставшими двинскими боярами была последним успехом политики новгородских бояр. Восстание 1397 г. было предвестником новых боев за Двину, которые развернулись вновь в XV в. и на этот раз привели к крушению Новгорода.

в. НОВГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ НАЧАЛА XV В.

Разногласия между патрициями и плебеями свирепствовали так же жестоко в Новгороде, как и во Флоренции.

(Маркс.)

И в самом Новгороде конец XIV и начало XV в. было временем очень острой борьбы. Восстания бывали в Новгороде нередко и в предшествующие века (в XIII в. в летописи отмечено 27 восстаний, в XIV в. — 18). Но они никогда не достигали такой силы, как восстания конца XIV и начала XV в. Особенно интересно восстание 1418 г., подробно опи-

санное в летописи. Его ход дает достаточно ясное представление о напряженности классовых противоречий в Новгороде. Началось дело как будто с пустяка. 24 апреля какой-то Степанко, очевидно человек незнатный, так как летопись называет его просто именем без отчества, напал на боярина Данилу Ивановича Божина. Схватив его, он начал кричать: «Помогите мне расправиться с этим злодеем».

Сбежавшиеся люди вместо того чтобы вступить за боярина, потащили его на вечерую площадь и избили его почти до смерти. В этом избиении боярина приняли участие и женщины. Летопись отмечает, что одна женщина, «вземши мужскую крепость», выскочив среди собрания, начала бить боярина, крича, что он обидел ее. С вечерой площади потащили боярина на мост и бросили его с моста «аки разбойника и злодеюша людем много». Один рыбак спас боярина, вытащив его на свою лодку. Тогда толпа двинулась к дому рыбака и разграбила его. Но боярину удалось скрыться. Чем вызывал Данила Иванович такую ненависть со стороны новгородцев, какое он «делал зло людем», об этом летопись молчит. Но столкновение 24 апреля 1418 г. хорошо показывает, насколько накалена была в Новгороде почва; ненависть против бояр так сильна, что она вспыхивает от самой ничтожной причины.

Вечевая башня.

Об этом же говорит и дальнейший ход движения. Спасшийся от расправы боярин решил отомстить обидчику. Его слуги схватили Степанка и начали его мучить. Сторонники Степанка, простой народ, узнав, что «изыман бысть (схвачен был) брат его», созвонили вече на Ярославовом дворе. Вся площадь переполнилась народом, возбужденно требовавшим выдачи Степанка и грозившим разгромить дом насильника-боярина. Затем, вооруженным отрядом, со знаменем («со стягом») двинулись с Торговой стороны на Софийскую, где на Кузьмодемьянской улице стоял дом боярина. Восставшие разграбили дом Даниила Ивановича и, не найдя здесь Степанка, принялись громить другие боярские дома. Тогда напуганные бояре с Кузьмодемьянской улицы, захватив с собой злополучного Степанка, пришли на двор к владыке, прося его о заступничестве. Владыка послал своего боярина и одного попа к восставшим отвести к ним Степанка. Но освобождение Степанка теперь уже не успокоило восставших. Разгневанные другим боярином (Иваном Иевличем), они бросились на Чудинцеву улицу и здесь разграбили много боярских дворов. Затем восставшие разгромили Никольский монастырь, говоря, «здесь житницы боярские» (монастырские подвалы, как известно, были складами для бояр и богатых купцов). С союзниками бояр, игуменом и монахами, восставшие обошлись без особого почтения.

Перекинулось движение и на соседнюю Людогощую (Легощую) улицу, где тоже было разгромлено много дворов. Только на Прусской улице восставшие встретили сильный отпор. Вооруженные боярские дружины отбили восставших и вытеснили их на Торговую сторону.

Восставшие начали звать на помощь жителей Торговой стороны. По всей Торговой стороне ударили в набат. К мосту со всех сторон навстречу врагам побежали люди в доспехах. На мосту начался настоящий бой. С обеих сторон летели стрелы. Рубились мечами. Боярские кони топтали врагов. Сильная гроза, разразившаяся в это время, не прервала ожесточенной схватки. Между тем, на обеих сторонах многие, не принимав-

шие участия в уличной борьбе, метались в страхе, торопясь припрятать свое имущество от погрома в надежное место («начаша животы свои сносить в церковь»).

Битва на мосту была прервана только вмешательством духовенства. Новгородский владыка, созвав духовенство, двинулся с иконами и крестом к мосту. Юрьевский игумен, по поручению владыки, пробравшись на Ярославов двор, вступил в переговоры с степенным посадником, тысяцким и с боярами с Торговой стороны. Общими усилиями духовенства и бояр схватка была прекращена. Народу пообещали, что «парочитые мужи» рассудят все дело. «И бысть тишина в граде» — завершает свой рассказ летописец.

На чем договорились между собой парочитые люди (бояре), мы не знаем.

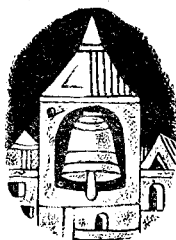
Молчит летопись и о дальнейшей судьбе Степанки и Даниила Ивановича, столкновение между которыми вызвало восстание 1418 г.

Но мир был непрочен. Через три года опять вспыхнуло в Новгороде восстание. На этот раз летопись указывает его причину. «Восстали концы Неревской и Славенский за Климентия Артемьина про землю на посадника Андрея Ивановича». Восставшие с оружием в руках разграбили двор посадника и убили 20 человек из двора посадника. Пострадали дворы и других бояр. Вскоре большие волнения вспыхнули в связи с введением в Новгороде новых денег. В XV в. новгородцы начали выпускать свою монету (раньше они пользовались слитками серебра и иностранной монетой). Выпуск новых денег сопровождался многочисленными злоупотреблениями. На этом деле наживались новгородские власти, а городским и деревенским низам населения был большой убыток. («И бысть христианам скорбь велика и убыток в городе и по волостям».)

На основе этих летописных известий можно выяснить причины непрерывных восстаний новгородских низов («плебса»). Они были стихийным ответом новгородских плебеев на усиленный нажим со стороны новгородских бояр и богатых купцов. Ростовщические операции бояр, хлебная спекуляция, за-

хват земель, ограбление при помощи правительственных поборов и перечековки монет — все это обостряло недовольство новгородских низов. В XIV в. бояре унимали это недовольство, вовлекая новгородские низы в свои грабительские экспедиции в Заволочье и на Низ. Теперь эти экспедиции становились труднее. Новгородские бояре встречали и на Волге, и на Двине сильный отпор со стороны других феодалов, особенно Москвы. Успешные набеги становились все реже. Политика отвлечения терпела крушение.

Так власть новгородского боярства распатывалась не только ударами со стороны новгородских пригородов и земель, ее колебали непрерывные выступления новгородских плебеев.

КОНЕЦ НОВГОРОДА

(Эпилог)

*Среди равнины полудикой
Он видит Новгород Великий,
Смирлились площади — средь них
Мятежный колокол утих.*

(Пушкин — Путешествие Онегина.)

Вторая половина XV века — время крушения новгородской самостоятельности. Взрываемое изнутри здание боярской республики оказывается не в силах противостоять новым сложившимся в XIV и XV вв. большим феодальным державам. Если в XII и XIII вв. вольный Новгород имел дело с мелкими государями раздробленной Восточной Европы — с князьями владимирскими, тверскими, городецкими, костромскими, торопецкими и прочими, то в XV в. к новгородским владениям вплотную подошли с одной стороны земли Литовского государства, с другой — Московского.

Сходная судьба постигла в это время и Ганзу. Образование больших и сильных государств на севере Европы привело к крушению ганзейской торговой монополии на Северном и Балтийском морях и к постепенному упадку ганзейской торговли.

Правящие верхи Новгорода пробовали маневрировать между Москвой и Литвой. Наиболее влиятельные круги новгородских бояр отдавали предпочтение союзу с Литвой. Подчинение Москве грозило новгородским боярам потерю их богатейших владений и прежде всего Двинской земли, к которой Москва уже давно протягивала свою руку. А литовские феодалы и не помышляли о далеких новгородских землях. Да и

политический порядок в Литве, где господствовало местное боярство, был больше по душе новгородскому боярину, чем складывающееся московское самодержавие.

Новгородский боярин поэтому определенно повертывался лицом к Литве, надеясь найти в ней сильного защитника против московских притязаний. Среди сторонников союза с Литвой в XV в. главное место занимали богатейшие новгородские бояре **Борецкие**, чьи необозримые земельные владения были раскинуты по Северной Двине и беломорскому побережью. **Борецкие** возглавили борьбу новгородских бояр с Москвою.

С конца XIV в. московские князья принялись за усиленную подготовку нового наступления на новгородские земли. Двумя клиньями врезались владения московских князей в новгородские земли. Важнейшим из них был подступавший к самой Двине Устюжский край. Великий Устюг чем дальше, тем больше приобретает значение опорного пункта московского наступления на Север. Разгромленный в 1398 г., он был быстро восстановлен. Через Устюг велась оживленная торговля между Москвой и Двинской землей (вместо далекой дороги через Новгород).

Другим щупальцем, выпущенным Москвою на Север, был Белозерский край.

Не один раз новгородские бояре громили Белозерск. Но Москва, особенно после двинского восстания, стала усиленно укреплять этот край.

В конце XIV в. на важных путях, соединяющих верхнюю Шексну с бассейном Двины, был поставлен Кириллово-Белозерский монастырь. Монастырь, основанный выходцами из Троицкой лавры, быстро выдвинулся как крупнейший торговый и военный центр. Окруженный рядом других монастырей на ближайших озерах и реках, Кириллово-Белозерский монастырь стал могущественным оплотом московского влияния на Севере.

Московские феодалы основательно готовились к новой борьбе за новгородские земли.

Мы не будем здесь излагать ход этой борьбы, которая относится к иному периоду в истории Восточной Европы. Остановимся только на ее исходе.

Союз с Литвой не спас новгородских бояр. В 70-е годы XV в. они потеряли и власть свою и землю. В борьбе с Москвой в 1471 г. новгородские бояре потерпели решительное поражение (под Шелонью). А в декабре 1477 г., когда в осажденном московскими войсками Новгороде изголодавшиеся низы начали подыматься против бояр, Иван III продиктовал свою волю приехавшим к нему новгородским послам: «Вечевому колоколу не быть, посаднику не быть, а государство нам держать, как в Москве».

С этого времени властная рука московского самодержавия тяжело легла на Новгород. Боярские вотчины были конфискованы и пошли большей частью в раздачу московским служилым людям. То же произошло и с большинством владений дома святой Софии.

Ганзейский двор был закрыт.

Последние остатки новгородской самостоятельности и богатства были сломлены в годы опричнины. Поход Ивана IV на Новгород в 1570 г., вызванный изменой новгородцев и соглашением их с Литвой, сопровождался жестоким разгромом Новгорода. Расправа опричников с Новгородом — самая жуткая страница в жуткой истории опричного террора. Достаточно прочесть следующие строки из записок современника, чтобы представить кровавые дни января 1570 г. «Обычным родом казни у него (Ивана IV) был тогда следующий: он приказывал оградить частоколом обширное место, поручал привести туда огромную толпу знатных лиц и купцов, которых знал за выдающихся, садился на коня с копьём в руке и, прищорив коня, пронзал копьём отдельных лиц, а сын его смотрел на эту забаву и одинаково занимался тою же игрой. Когда конь уставал, тираи сам, «усталый, но не насыщенный», возвысив голос, кричал убийцам из опричнины, чтобы убивали без разбора всех и рассекали на куски. Те, унося от туда куски, бросали их в реку. Был приказ выйти на воду,

Иван III под Новгородом в 1471 г. (лицевой свод XVI в.).

скованную льдом, и тиран приказывал обрубить топорами весь лед кругом; и затем этот лед, придавленный тяжестью людей, опускал их всех в глубину. Тиран не пропускал ни одного рода жестокости при умерщвлении людей, и в городе Новгороде он убил их после терзаний и мук 2770 из более знатных и богатых, не считая лиц низкопоставленных и беспредельного количества черни, которую он уничтожил всю до полного истребления». Уничтожив зверскими казнями значительную часть новгородского населения, царь и его опричники разграбили новгородские богатства. Дадим слово тому же современнику.

«Этот город был зажиточен издревле, и купцы в нем были очень влиятельные и богатые; в их домах все помещения были загромождены и наполнены разнообразными товарами. Кроме того, там были огромные круги воска, запас сала и жира от разных животных, очень большие кучи шелка и дорогого платья. Все это хранилось, собранное 20 лет тому назад. Весь шелк он (Иван IV) распределил своим телохранителям, а серебро и золото было положено в государеву казну. Остальные товары были уничтожены, так как дома горожан были спалены огнем. Таким образом этот старый город славян, местопребывание князей новгородских, можно видеть уничтоженным и сравненным с землей».

В 1582 г. по переписи в Новгороде осталось всего 1000 дворов, тогда как в середине века в нем еще было около 5000 дворов. За вторую половину XVI в. Новгород потерял 80% своего населения. Он не поднялся и в XVII в. «А в твоей государеве отчине», — писали в 1623 г. в Москву новгородские посадские люди, — в великом Новгороде, Софейская сторона вся пуста и разорена до основания, а на Торговой, государь, также многие улицы и ряды пусты, а в которых, государь, улицах и есть жильчишка, и тех немного, — в улице человек по осми и по десяти, да и те бедны и должны». А в самом новгородском детинце расположены «многие сады и огороды и хмельники, и луга и пустые места, а на лугах по пустым местам пасут животину».

На месте бурного новгородского вече — дуг, где пасется «животина», — таков итог мертвящей политики самодержавной Москвы. А о дальнейших судьбах Новгорода скажем словами поэта пушкинских времен, Языкова:

Время пролетело,
Слава отжита;
Вече онемело —
Сила отнята.
Город воли дикой,
Город буйных сил —
Новгород великий
Тихо опочил.

Скучный, полусонный губернский город с разрушающимися памятниками старины, мало кого интересующими, — таков облик Новгорода в XIX в. Таким дожил он до Великой Пролетарской революции 1917 года.

